

Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» и его владельцы**

Аннотация: Статья посвящена предпринимательской деятельности еврейских банкиров Евзеля и Горация Гинцбургов. Начав с должности кассира у одного витебского помещика-откупщика, через несколько лет Евзель Гинцбург сам стал крупным откупщиком, а затем владельцем известного банкирского и торгового дома «И.Е. Гинцбург» в Петербурге и Париже. После смерти отца в 1878 г. фирму возглавил Гораций Гинцбург. Кроме банкирских дел Гинцбурги активно участвовали в образовании и финансировании многочисленных акционерных торгово-промышленных компаний, страховых обществ, коммерческих и земельных банков. На примере отца и сына Гинцбургов показан процесс создания значительных капиталов в России в XIX в., превращение купцов-откупщиков в крупных финансистов. В статье также рассматриваются причины, приведшие банкирский дом «И.Е. Гинцбург» к серьезным финансовым затруднениям, администрации и закрытию.

Ключевые слова: купцы, откуп, откупщики, черта оседлости, евреи, банкирский и торговый дом, фирма, «И.Е. Гинцбург», кредитный рубль, администрация.

Представители семьи еврейских купцов, банкиров и промышленников Гинцбургов часто упоминаются в научных и популярных публикациях по истории России XIX — начала XX вв. Слишком разносторонними и многообразными были их интересы в различных сферах предпринимательства, финансов, науки, искусства, просвещения, благотворительности. Гинцбургам посвящены несколько сочинений, опубликованных в разное время на иврите, немецком и русском языках¹. В основном в них рассматривается общественная деятельность трех поколений Гинцбургов, направленная на защиту интересов евреев и отстаивании их прав в России. Из современных научных трудов особо следует выделить монографию академика Б.В. Ананьича о банкирских домах в России, в которой фирме «И.Е. Гинцбург», ее созданию, основным коммерческим операциям, участию в золотодобывающей промышленности уделена отдельная глава². Однако остается немало недостаточно или совсем неизученных сюжетов, связанных с предпринимательской деятельностью Гинцбургов. К ним следует отнести причины возникновения фи-

---

* Лизунов Павел Владимирович — доктор исторических наук, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, pavelv1@mail.ru

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ) проект № 12—01—00076 а.

нансовых затруднений и ликвидации банковской и торговой фирмы «И.Е. Гинцбург», положение которой многие современники считали незыблемым.

Потомки рабби Иехи-эль из Порто

По утверждению автора сочинения по генеалогии рода Гинцбургов Д.Г. Маггида, их дальним предком был рабби Иехи-эль из Порто. Его внук рабби Симеон (Симон) Бен-Абраам (1506—1585) жил в баварском городке Гюнцбурге (нем. Günzburg), от которого и произошла фамилия. Симеон Гинцбург пользовался также именем Ульм (нем. Ulm), от названия другого городка, расположенного недалеко от Гюнцбурга. Из-за преследований, которым евреи подвергались в Германии с XVI в., Симеон и некоторые из его сыновей переселились в Польшу. Обосновавшись в Познани, Гинцбург пользовался влиянием на короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа³. В качестве представителя познанской еврейской общины Гинцбург участвовал в заседаниях королевского совета. В ряде еврейских сочинений о нем упоминается, как человеке мудром, ученом математике и астрономе. Он был богат, щедр и скромен. Умер Симеон Гинцбург в возрасте 79 лет, оставив после себя 6 сыновей.

В течение почти 300 лет, до начала XIX столетия в еврейских книгах постоянно встречаются имена потомков рабби Симона Гинцбурга — Ашер Гинцбург (?—1791), Аарон-Иуда-Лейба Гинцбург (?—1804) и др. Представители этого рода были в числе известных раввинов Германии и Польши. Но только живший во второй половине XVIII в. Нафталий-Герц Гинцбург (?—1794/7?) из Вильны прервал семейную традицию и посвятил себя коммерческой деятельности, которую продолжил его сын Габриэль-Яков (Гавриил Яковлевич) (1793—1852)⁴. Торговые дела вынуждали его постоянно менять места жительства. К 1810 г. Гинцбург обосновался в Витебске и участвовал в торгах местной Казенной палаты на получение питейного откупа на 1810—1814 гг.⁵ В январе 1812 г. у Габриэля Гинцбурга и его жены Леи-Сары (Ли), в девичестве — Рашкис, родился сын Иосиф-Евзель (Йоссель). Кроме сына у них были еще две дочери: Леонора (Элька, Елка, Елена), вышедшая замуж за Хайма-Йеошуа-Гершеля Розенберга из Житомира и Бейле (Белла), вышедшая замуж за Зева-Вольфа-Ицхака Мерперта. Габриэль-Яков Гинцбург умер 2 мая 1852 г. в Симферополе, куда переселился незадолго до своей смерти⁶.

Габриэль Гинцбург в память о себе хотел основать в Симферополе какое-нибудь общепольное заведение для евреев. Перед смертью

он завещал 4200 руб. сер. на благотворительные цели. Предложение открыть на эти деньги больницу для еврейского населения принадлежало Таврическому гражданскому губернатору В.И. Пестелю. Однако пожертвованных денег оказалось недостаточно. Тогда было решено увеличить сумму добровольными пожертвованиями и за счет части коробочного сбора с евреев. Самое деятельное участие в сборе средств принял купец Соломон Нейман. Через 2 года, в 1854 г. больница на 6 мужских и 4 женских коек, с необходимым оборудованием была открыта⁷.

Евзель Гинцбург: от провинциального кушца до столичного банкира

Сын Габриэля Гинцбурга — Иосиф-Евзель Габриэлович (Евзель Габриелевич, Осип Гаврилович) (1812—1877/8), получив традиционное еврейское воспитание в доме родителей, продолжил дело деда и отца. В 16 лет Евзель Гинцбург женился на Рассе (Расе, Раисе, Розе) (1810—1892), дочери содержателя почтовой станции в г. Орша Витебской губернии Давида Зискиндовича Дынина (?—1848) и Моттел (Матильды), в девичестве Горбовитцер (1790?—1845?). Заведование почтовой станцией в Орше, бывшей центральной станцией между Петербургом, Киевом, Москвой и Варшавой, было делом чрезвычайно ответственным, которое доверялось лицам, пользовавшимся большим доверием властей. В преклонном возрасте Расса Давидовна любила рассказывать, как император Александр I при проезде через Оршу любил заглянуть к ним в дом, чтобы отведать блюда еврейской кухни. Братом ее был крупный кишиневский и одесский купец Абрам Давидович Дынин, ранее служивший в откупной конторе Е.Г. Гинцбурга⁸. По словам Г.Б. Слиозберга, Расса Давидовна была «богобоязненная, исключительно добрая женщина», имевшая «благотворное влияние на всю семью»⁹.

В браке Евзеля и Расса Гинцбургов родились 4 сына: в 1831 г. — Зискинд (Александр), в 1833 г. — Нафтали-Герц (Гораций, Горас, Орас, Герцык, Герцель), в 1840 г. — Ури (Ур, Урий, Уриэль), в 1848 г. — Соломон-Давид и в 1844 г. — дочь Хая-Матлея (Хася, Хана, Ева-Матильда), в замужестве Фульд. В разное время семья жила в Витебске, Киеве, Звенигородке и Каменец-Подольске.

С молодых лет Е.Г. Гинцбург преуспел в коммерции. Служил кассиром, затем заведовал делами одного богатого витебского помещика-откупщика, а в 1840 г. в возрасте 28 лет сам стал откупщиком в западных губерниях. Занятие откупной деятельностью предусматривало обладание солидным капиталом, который позволял предо-

ставлять казне обеспечение в виде крупного денежного залога или недвижимого имущества. В 1843 г. Евзель Гинцбург записался в витебские купцы 1-й гильдии, чтобы иметь допуск к подрядам, «питейной продаже» и «кормчей аренде». Это свидетельствовало о величине его средств и финансовых возможностях. В 1843—1847 гг. отец и сын совместно содержали «каменецкий винный откуп», отданный помещику Киевской губернии Антону Трофимову и переуступленный им Габриэлю и Евзелю Гинцбургам¹⁰.

22 октября 1848 г. высочайшим указом «за оказанные особые заслуги» отец и сын витебские купцы Габриэль и Евзель Гинцбурги с семьями были возведены в звание потомственных почетных граждан¹¹. Из-за разного написания имени сына Евзеля Гинцбурга Горация в документах, поданных на получение потомственного почетного гражданства, и последовавшего уточнения, звание ему было пожаловано позже, в августе 1850 г.¹²

Во время Крымской войны Евзель Гинцбург содержал винный откуп в Крыму и осажденном Севастополе, отпуская вино по ценам не выше утвержденных правительством для мирного времени и даже ниже. Занимавший должность директора канцелярии главнокомандующего Крымской армией А.Д. Крылов в своих записках вспоминал, что ему по служебным обязанностям приходилось иметь дела «с севастопольским откупщиком мелкой руки в полу-еврейской одежде Гинцбургом»¹³. Распутица и отсутствие шоссе в Крыму затрудняли подвоз к армии продовольствия из Симферополя в Севастополь. Гинцбург, обязанный условиями договора снабжать вином войска в Севастополе, не имея достаточных средств, «просил как милости о разрешении ему доставлять не полугар, а 100° спирт и на месте его рассыропливать (разводить. — П.Л.)». В своих просьбах Гинцбург ссылаясь на то, что доставка вина представляет для него «громадные заботы, страх и разорение»¹⁴.

Поверенный Гинцбурга Ярославский позже рассказывал, что его хозяин оставил Южную сторону осажденного Севастополя с касой одним из последних, чуть ли не одновременно с командующим гарнизоном¹⁵. Главнокомандующий 2-й армией генерал-адъютант А.Н. Лидерс после окончания Крымской войны свидетельствовал, что Гинцбург «оказывал постоянное особенное усердие к безостановочному продовольствию войск винной порцией, содержал для себя значительные запасы вина в указанных интендантством пунктах и вообще без всякого промедления удовлетворял всем требованиям войск, в разных пунктах расположенных и часто с одного места на другое передвигаемых, отпуская притом вино по ценам не только не свыше высочайше утвержденных для мирного времени, но и с уступ-

кою»¹⁶. В годы войны Гинцбург был также поставщиком продовольствия и обмундирования для русской армии.

За отпуск «полугарного вина безденежно на 16 тыс.» солдатам, прибывшим в Крым, и особенно 6-й пехотной дивизии, совершившей переход через Перекоп, Гинцбургу 29 марта 1854 г. была объявлена высочайшая благодарность¹⁷. В 1853—1855 гг. Евзель Гинцбург за свой счет содержал находившихся в Каменец-Подольске 56 семейств нижних чинов, призванных на службу, за что получил две высочайшие благодарности. За угощение порцией вина и закуской 57-го Донского казачьего полка во время следования через Мелитопольский уезд Гинцбургу была объявлена новая высочайшая благодарность. В 1855 г. в ознаменование прибытия в Крым Александра II Гинцбург преподнес всем участвовавшим в войне войскам по чарке водки на человека, за что в очередной раз получил высочайшую благодарность¹⁸.

После окончания войны положение Гинцбурга окрепло еще сильнее. «За полезные вообще действия и постоянно оказываемое усердие к пользе казне» он был награжден золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Андреевской ленте¹⁹. Награждение состоялось 10 августа 1856 г. несмотря на то, что накануне, в июне императору поступил донос на корыстолюбие и алчность откупщиков, среди которых одним из первых упоминалось имя Гинцбурга, заработавшего на откупах несколько миллионов рублей серебром. Автор анонимного письма указывал, что «со дня существования России не было еврея, который имел бы состояние на миллион рублей ассигнациями». Однако царь начертил на доносе: «Оставить без последствий»²⁰. В феврале 1858 г. Гинцбург получил бронзовую медаль на Аннинской ленте в память войны 1853—1856 гг.²¹

В официальных документах конца 1850-х гг. неоднократно встречаются лестные отзывы разных особ о Е.Г. Гинцбурге, как человеке солидной репутации и заслуживающего доверия в коммерческих делах. Среди таких лиц были Виленский военный и гражданский и Ковенский генерал-губернатор В.И. Назимов, генерал-адъютант граф А.Г. Строганов, Керч-Еникалинский градоначальник П.А. Антонович 1-й, военный губернатор Симферополя и Таврический гражданский губернатор граф Н.В. Адлерберг, исполняющий должность Подольского гражданского губернатора В.Ф. Пфеллер, архиепископ Минский и Бобруйский Михаил, попечитель Киевского учебного округа Н.Р. Ребиндер и др.²²

Однако народная молва связывала миллионы Е.Г. Гинцбурга с разными сомнительными махинациями. Так как обогащение произошло весьма скоропалительно, то происхождение богатства приписывалось выпуску фальшивых бумажек, как тогда часто объяснялось

всякое быстрое составление значительного капитала. То же говорили и об откупщике-миллионере И.О. Утине²³.

Утверждали, что в годы Крымской войны Гинцбург заработал более 8 млн руб. сер. Это широко распространенное мнение нашло отражение в памфлете публициста и историка В.О. Михневича: «Знаменитый род *баронов* Гинцбургов ведет свое начало со времен несчастливой и разорительной Крымской войны, когда, по преданию, сложенному русским солдатом сам Господь Бог в ужасе “стоял на горе Арарате и смотрел, как грабят в комиссариате”, при дружном содействии подрядчиков. В числе последних выступил тогда впервые на историческое поприще славы, богатства и почестей и родоначальник наших баронов. Начав “поставку” чуть ли не с одной бочки зелена вина, он, путем патриотического усердия и посредством каких-то гениально-искусных химических манипуляций, превращавших стоградусный пьяный спирт в совершенно почти трезвую воду, в кратчайшее время благоприобрел столько “карбованцев”, сколько их даже во сне не снилось самому библейскому царю Соломону...»²⁴.

Директор канцелярии Военного министерства князь В.И. Васильчиков в 1859 г. во всеподданнейшем докладе прямо обвинял Гинцбурга «приобретшего несметные богатства» во время Крымской войны в том, что тот «заставлял солдат... употреблять, вместо подкрепительного вина, омерзительную смесь водки низшего достоинства с мутною водою»²⁵.

После окончания Крымской войны Е.Г. Гинцбург взял в откуп питейное дело в Западном крае. Неизвестный автор сатирического сочинения, посвященного Гинцбургу приводит перечень мест его откупных чарочных и акцизных сборов, находившихся в «Витебской, Могиланской, Минской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Каменец-Подольской, Волынской, а также бывшей Полтавской, Харьковской, Черниговской, Киевской, Таврической губерниях, Бессарабской области и вообще в Бело, Мало и Новороссии, Литвы и Самогитии, где только евреям проживать и откуп содержать можно и проч. и проч.». Сочинение, датированное 1857 г., сохранилось в документах другого известного купца и откупщика — В.А. Кокорева²⁶.

Главная откупная контора Евзеля Гинцбурга находилась в Каменец-Подольске. В губерниях и уездах, где Гинцбург имел откупа, создавались местные конторы. Каждая из них состояла из управляющего откупом, бухгалтера и его помощника, кассира, писцов при конторе, главного и младших ревизоров, дистанционных поверенных, сверхчастных и частных поверенных, разливного и оптового подвальных, смотрителей казенных винных магазинов, кормчей стражи, рабочих и сторожей. Конторские служащие с самых высо-

ких и до самых незначительных должностей набирались в основном из евреев²⁷. Из них впоследствии вышло несколько известных финансистов вроде Л.М. Розенталя и А.И. Зака, которые заняли видное положение в кредитных учреждениях Петербурга²⁸. Родной брат последнего, позже известный ученый и писатель И.И. Зак также был бухгалтером в банкирской конторе «И.Е. Гинцбург» в Петербурге, а затем служил в качестве директора банка в Минске.

Более 26 лет на службе в конторе Гинцбургов состоял С.М. Барац — крупный специалист по бухгалтерии, банковскому делу и вексельному праву, автор ряда работ по финансовым, экономическим и юридическим вопросам²⁹. В течение 26 лет сотрудником фирмы «И.Е. Гинцбург» был А.Э. Альванг, который в 1897 г. открыл собственный банкирский дом в Петербурге. Некоторое время в петербургской конторе Гинцбурга изучал бухгалтерию и счетоводство сын тайного советника Менгеса, состоявшего на службе при дармштатском дворе. Позже Менгес-младший исполнял должность личного секретаря у болгарского князя Александра I, заведывая всеми его денежными делами. Сам князь Александр симпатизировал Гинцбургу и доверял ему вести свои личные дела, как и дела других представителей Гессенского дома Баттенбергов³⁰. Позже А. Менгес занимал должность генерального уполномоченного принца Людвига Баттенбергского, а также управляющего его домом и вел дела с банкирской конторой «И.Е. Гинцбург»³¹.

Положение еврейских купцов-откупщиков было весьма значительным. Они представляли собой привилегированный слой еврейского населения, людей богатых и влиятельных. Казенные подряды, поставки и откупа составляли весьма выгодный промысел для многих еврейских купцов. По словам одного из современников, еврей-откупщики были «новоиспеченные аристократы», которые «во многом напоминали иудейских вельмож времен Нехемии (наместник Иудеи в 446/5—434/3 до н.э. — *П.Л.*)»³².

Другой современник, еврейский публицист, юрист по образованию И.Г. Оршанский отмечал: «Откупщик и подрядчик, у евреев, — синонимы богачей. Почти все богатые евреи занимались или тем, или другим из этих промыслов. Еще памятно многим время Крымской войны, когда подрядчики, благодаря гибкой совести и своеобразному взгляду на казну... наживали миллионы. А об откупах и говорить нечего. Не говоря уже о самих откупщиках, тысячи евреев жили и наживались под благодатным крылышком откупов»³³. Безусловно, что автор в первую очередь имел в виду Гинцбурга.

Ограничения в правах, тяготевших над еврейской массой, были менее чувствительны для евреев-откупщиков. Задолго до получения

еврейскими купцами 1-й гильдии права повсеместного проживания в Российской империи откупщики пользовались свободой передвижения, подолгу и фактически беспрепятственно жили в столицах и других городах вне черты оседлости. По указу от 9 сентября 1848 г. еврейским купцам 1-й гильдии разрешалось содержать питейные откупа не только в пределах губерний, входящих в черту оседлости, но также в местах в нее не входящих³⁴. Откупщики были одними из первых евреев, отказавшихся от традиционного национального одеяния, прически и многих других особенностей тогдашнего еврейского быта³⁵.

Откупщики постоянно находились в деловых сношениях с различными органами власти. Им приходилось бывать в канцеляриях и кабинетах губернаторов, министров и генералов. С ними считались, как с важными особами, пополнявшими доходами государственную казну. В 1859—1862 гг. только один Е.Г. Гинцбург ежегодно платил в казну более 3,7 млн руб., получаемых от питейного откупа. По словам американского историка Бенджамина Натанса, это «ставило его в высший эшелон откупщиков империи»³⁶. Больше платили только отставной поручик Д.Е. Бенардаки (свыше 19 млн руб.), коммерции советник И.О. Утин (6,8 млн руб.), действительный статский советник Н.Ф. Рюмин (более 5,5 млн руб.) и статский советник Н.Ф. Базилевский (5,3 млн руб.)³⁷. Ежегодная чистая прибыль Гинцбурга по самым разным и весьма приблизительным оценкам составлял от 500 тыс. руб. и выше.

Не всякий мог стать контрагентом казны в откупном деле, важном и в финансовом, и в экономическом отношениях. Допускались к торгам лишь лица особенно благонадежные, имя которых могло служить гарантией безупречного выполнения контракта с казной. Помимо того, откупщики должны были обладать значительным состоянием, которое позволяло бы им представлять казне обеспечение в виде крупного денежного залога или недвижимого имущества. Евреи ограничено допускались в число откупщиков. Требовалась исключительная репутация, чтобы правительство решило доверить им откуп. Евзель Гинцбург во многом благодаря известности своей семьи в Западном крае смог в молодом возрасте стать одним из откупщиков³⁸.

Е.Г. Гинцбург пользовался большим доверием в западных и южных губерниях России. В г. Рогачеве Могилевской губернии, являвшимся перекрестком двух больших путей, соединявших Киев с Петербургом, Москвой и Варшавой, и всей округе в широком обращении были билетики с его подписью, которые за недостаточностью мелкой разменной монеты ходили как настоящие деньги³⁹.

Когда в 1858 г. стали распространяться слухи об отмене откупов, многие из комиссионеров не хотели в это верить и старались их

опровергнуть. И действительно, в 1859 г. откупа были продлены еще на 4 года. Однако 26 октября 1860 г. Государственный совет утвердил мнение о введении акцизной системы, но откупщики продолжали утверждать, что откупа сохраняться. Даже когда 4 июля 1861 г. было высочайше утверждено «Положение о питейном сборе»⁴⁰, комиссионеры еще надеялись, что откупную систему не отменят. Боясь потерять свой доход, они в 1862 г. предложили правительству проект создания «Агентства по питейному сбору и товарищества для сооружения железных дорог». Для сохранения питейного откупа, в проекте предлагалось «взамен назначенного с 1863 года казенного управления» создать «ответственное агентство из частных лиц» и передать ему продажу вина сроком на 11 лет, начиная с 1 января 1863 г. Агентство должно было отвечать за поступление в казну питейного дохода в размере свыше 100 млн руб. и принять на себя строительство 2800 верст железных дорог. Были определены следующие направления: 1) из Москвы в Курск через Калугу и Орел; 2) из Курска одна линия в Одессу через Киев, другая в Харьков, а оттуда к грушевским антрацитным копиям или прямо в Ростов-на-Дону с веткой до Таганрога; 3) из Рыбинска до станции Бологое; 4) из Перми до Тюмени через Уральский хребет, для соединения сибирских рек с Волгой. Проект был передан управляющему министерством финансов М.Х. Рейтерну для представления Александру II. Среди подписавших проект были крупнейшие откупщики Д.Е. Бенардаки, Е.Г. Гинцбург, А.И. Горвиц, В.С. Каншин, Г.Л. Капгер, С.Н. Карали, В.А. Кокорев, И.Е. Кондоянаки, Н.Д. Лохвицкий, П.П. Скараманга, И.О. Утин и др., всего 20 человек⁴¹.

Было объявлено о подписке на 400 паев предполагаемой компании на сумму 60 млн руб. залогами и деньгами. Нашлось немало желающих. Из числа учредителей подписались В. Кокорев на 40 паев, Д. Бенардаки — на 40, И. Утин — 20, Г. Капгер — 10, Е. Гинцбург — 10 паев. По одному паю взяли сыновья последнего Зискинд и Гораций. К 1 июля 1862 г. подписалось 54 человека, разобравших 296 из 400 паев⁴². Однако учредить «Агентство по питейному сбору» не удалось. Александр II отверг представленный проект и изъявил свою волю, «чтобы новая акцизная система была введена в действие с 1 января 1863 года»⁴³.

Евзель Гинцбург стал первым евреем-землевладельцем в Бессарабии. Он сумел приобрести в Яском, Сорокском, Аккерманском и Бендерском уездах несколько десятков тысяч десятин земли. 2 марта 1857 г. Бессарабским областным гражданским судом была засвидетельствована купчая крепость на приобретенные Гинцбургом у молдавского бояра Ворника Богдана Ласкари за 98800 руб. 7600 фалеч

земли (почти 9900 дес.) из состава вотчины Пилиней и Валя-Царградальей в Ясском и Сорокском уездах. 14 марта того же года была утверждена купчая на купленные Гинцбургом у статского советника Бальша 3044 дес. земли в Бендерском уезде за 41094 руб. 29 марта был засвидетельствован договор на приобретенные Гинцбургом у княгини Гики 6560 дес. в Бендерском уезде за 81475 руб. 1 апреля была признана купчая крепость на купленные Гинцбургом у тайного советника Ф.П. Фонтонома за 66640 руб. 4400 дес. в Бендерском уезде. В 1863 г. Гинцбург приобрел у Д.Е. Бенардаки 2252 дес. в Ясском уезде и 2083 дес. в Сорокском уезде. В разное время Гинцбург приобрел несколько имений в Таврической и Подольской губерниях⁴⁴. Во всех случаях им покупались земли незаселенные крестьянами. В течение нескольких лет цены на землю в Бессарабии выросли в 5–6 раз⁴⁵. Это послужило поводом к недовольству местного дворянства и просьбам воспретить евреям приобретать помещичьи имения в Юго-Западном крае. В 1868–1872 гг. вопрос о запрете Гинцбургу и вообще евреям покупать земли в западных губерниях обсуждался в канцелярии Министерства внутренних дел⁴⁶.

Часто бывая по коммерческим делам в Петербурге, Евзель Гинцбург сумел установить тесные связи в высших столичных сферах и финансовых кругах. У него сложились хорошие отношения с министром финансов Ф.П. Вронченко. За оказанные услуги Гинцбург неоднократно поощрялся различными наградами. В августе 1854 г. «за оказанное им усердие при соглашении с откупщиками» он был награжден золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте⁴⁷. В марте 1863 г. был пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени, в июле 1865 г. — орденом Св. Анны 3-й степени. В июле 1867 г. «в воздаяние отлично усердной службы и особых трудов члена комитета детского приюта его императорского высочества принца Ольденбургского» Гинцбург был удостоен ордена Св. Станислава 2-й степени. В июне 1869 г. ему были дарованы знаки ордена Св. Станислава 2-й степени, украшенные императорской короной. В 1871 г. он получил орден Св. Анны 2-й степени. Прусским королем Вильгельмом I Гинцбург был награжден орденом Красного орла 3-й степени, на принятие и ношение которого последовало высочайшее соизволение Александра II⁴⁸.

В 1874 г. Е.Г. Гинцбург был пожалован званием коммерции советника. В представлении особо отмечалось, что «в среде купечества обращают на себя внимание, полезною своею деятельностью и обширными оборотами» целый ряд купцов. О самом Гинцбурге сообщалось, что он «производит банкирские операции на весьма значительную сумму», а «фирма его пользуется известностью в Ев-

ропе, он имеет конторы в Петербурге и Париже и сношения со значительными европейскими торговыми домами», он содействовал образованию в России десятка акционерных банков и двух страховых обществ, для которых собрал капиталы; способствовал учреждению «многих товариществ для сахарного дела». В представлении указывалось, что лично ему принадлежат сахарные заводы в Подольской и Киевской губерниях, с оборотом до 2 млн руб. в год, он участвовал в трех золотопромышленных компаниях в Восточной Сибири, состоял членом многих благотворительных обществ, имел российские и иностранные ордена⁴⁹.

С конца 1850 — начала 1860-х гг. началось переселение богатых еврейских купцов в Петербург. Одним из первых обосновался в столице Е.Г. Гинцбург, поселившись в доме вдовы О.А. Рюминой на Дворцовой наб., 12. Записавшись во временное петербургское 1-й гильдии купечество, в ноябре 1859 г. он основал в столице банкирский дом «И.Е. Гинцбург» с капиталом в несколько миллионов рублей. В России частные банкирские заведения тогда только нарождались. В Петербурге их было всего несколько. Появление фирмы «И.Е. Гинцбург» в столице Российской империи было следствием опубликования 16 марта 1859 г. закона разрешавшего еврейским купцам 1-й гильдии постоянно проживать вне черты оседлости⁵⁰. Этот закон появился во многом благодаря инициативе самого Е.Г. Гинцбурга, возбудившему перед правительством ряд ходатайств о расширении прав евреев в России.

Вслед за Гинцбургом в столицу переселились другие богатые еврейские откупщики и подрядчики: А.И. Горвиц, А.М. Варшавский, братья М.П. и Л.П. Фридланды (Фридлянды), И.М. Малкиель и др. Вскоре в Петербурге насчитывалось около десятка богатых еврейских семейств, так называемых «больших евреев» или «еврейских нотаблей». За ними в столицу потянулась вереница разных их служащих и доверенных — «малых евреев», которые, в свою очередь, «выписывали» своих родственников и знакомых. Так, в петербургскую банкирскую контору Е.Г. Гинцбурга перешли некоторые его служащие по акцизному откупу: Барац, братья Зак, Левин и др.

Выдающийся еврейский поэт-сатирик и публицист Л.О. Гордон («еврейский Некрасов») пересказал рассуждения одного петербургского еврея-старожилы о новой еврейской общине в столице: «Что тогда был Петербург? — пустыня; теперь же ведь это — Бердичев!»⁵¹.

О евреях, устремившихся на жительство в Петербург, анонимный автор, являвшийся доверенным лицом Гинцбургов по золотопромышленным делам в Восточной Сибири (возможно, это был Остряков⁵²), писал: «В выходящих из черты оседлости происходила полная

метаморфоза: откупщик превращался в банкира, подрядчик — в предпринимателя высокого полета, а их служащие — в столичных денди»⁵³.

Подтверждение тому содержится в мемуарах Паулины Венгеровой, принадлежавшей к высшим слоям еврейского общества. Она отмечала: «Со временем стало очевидно, что евреи добились неожиданно большого влияния в области торговли и промышленности. Никогда прежде евреи в Санкт-Петербурге не вели такой благополучной жизни, поскольку столичные финансы частично находились в их руках. Возникли еврейские банки. Были основаны акционерные компании, руководимые евреями. Биржевые и банковские операции достигли небывалого размаха. Здесь, на бирже евреи чувствовали себя в своей стихии. Бывало, что игра на бирже в один день сказочно обогащала некоторых маклеров. Бывало и так, что люди мгновенно разорялись. Этот вид коммерческой деятельности был в России чем-то новым. Однако евреи прямо-таки гениально осваивали ее правила, даже те, чье образование исчерпывалось Талмудом»⁵⁴. Превращение удачливого еврейского купца-откупщика в успешного владельца банкирского и торгового дома в полной мере относилось к Евзею Гинцбургу.

Многие петербургские ассимилированные евреи сильно отличались от своих соплеменников, проживавших в черте оседлости. На это обратил внимание английский еврейский банкир сэр Мозес Монтефиоре, посетивший Россию в 1872 г. В своем дневнике он записал: «Я имел счастье видеть значительное количество наших единоверцев, отмеченных наградами императора различного достоинства. Ныне евреи здесь (в Петербурге. — П.Л.) одеваются подобно обыкновенным джентльменам в Англии, Франции или Германии»⁵⁵. Именно так, по-европейски выглядели Е.Г. Гинцбург и его сыновья, одевавшиеся у дорогих парижских портных. Поэт Осип Мандельштам вспоминал, как в детстве в петербургской синагоге увидел барона Г.Е. Гинцбурга и А.М. Варшавского. Он был поражен их нееврейской внешностью: «в цилиндрах, прекрасно одетые, лоснящиеся богатством, с изящными движениями светских людей»⁵⁶.

Еще в 1857 г. Е.Г. Гинцбург вместе со всей своей семьей и семьями старших сыновей Зискинда и Юрация отправились в Париж и поселились в гостинице «Трех императоров» (l'hôtelTrois-Empereurs). Они занимали весь первый этаж отеля, стоимостью от 80 до 100 тыс. фр. в год⁵⁷. Анфилады залов и комнат окнами выходили на три разные стороны: 20 окон — на улицу Сент-Оноре (rueSaint-Honoré), весь фасад — на площадь Пале-Рояль (place du Palais-Royal) и улицу Риволи (ruedeRivoli).

30 января 1857 г. по случаю годовщины своего рождения Евзель Гинцбург, по сообщениям парижской прессы «дал великолепный вечер в своих позолоченных апартаментах на улице Риволи». Было приглашено элитное парижское общество, состоящее из известных политиков, финансистов, литераторов. Присутствовали «дамы блистательной красоты и молодости», среди которых своими нарядами и бриллиантами выделялись Расса и Анна Гинцбурги. Вечер начался с вокального и инструментального концерта, в котором участвовали знаменитые музыканты. В 2 часа ночи гостям был предложен великолепный ужин, «соперничавший с пирами царей Артаксеркса и Валтасара». Бал закончился в 4 часа. Этот праздник признали одним из самых красивых в Париже в ту зиму⁵⁸.

В мае следующего 1858 г. Гинцбурги дали очередной бал, который, по словам очевидцев, был «полон богатой экстравагантности», в котором приняли участие более 1000 гостей. Много было известных лиц: аристократы, чиновники, дипломаты, финансисты, промышленники, литераторы и др. 16 ярко освещенных, как днем, залов были обильно украшены цветами. Несколько залов были специально обтянуты шелковыми тканями. Для расширения помещений разобрали перегородки. Прием начался в 10 часов вечера. Приглашенные артисты дали великолепный концерт, после которого начались танцы, продолжавшиеся до 4 часов ночи. Играли два оркестра, можно было перекусить и охладиться напитками в двух буфетах. Поданный в 2 часа ночи в двух залах горячий ужин был особо изыскан, меню состояло из разнообразных «раритетных кулинарных» блюд. Было подано 100 фазанов, более 500 бутылок вина. Утверждали, что Гинцбурги потратили как минимум 50 тыс. фр., а может и больше. Только на одни цветы была израсходована огромная сумма денег. В прессе сообщалось о «полном успехе» праздника, о котором еще будут долго вспоминать⁵⁹.

Появление Евзеля Гинцбурга в Париже французские газеты сравнивали с «бомбой». Его называли «богатым евреем-волшебником». Уверяли, что «он вбил в себе в голову» пригласить к себе «все предместье Сен-Жермен, плохо зная эту часть французского общества», состоящую из старинной и новой французской знати. Он рассылал им приглашения, сопровождая их браслетами, серьгами и другими драгоценностями, чем добился признания⁶⁰. Его называли «одним из первых иностранных миллионеров основателей космополитических салонов» в Париже⁶¹.

Пребывание в Париже затянулось, и Гинцбурги решили более основательно обосноваться там. В 1860 г. они перебрались в огромную квартиру снятую ими на улице Прессбург (rue de Presbourg), 8, где прожили 10 лет.

6 марта 1862 г. в Париже состоялась свадьба дочери Е.Г. Гинцбурга Матильды (Хаи-Матлеи) с племянником французского министра финансов при Наполеоне III нотариусом Полем Фульдом (1837—1917). По этому поводу был дан великолепный бал. Приданное невесты, по утверждению французской прессы было одним из самых значительных, возможно самым большим в Париже. Размер его превосходил 100 тыс. фр.⁶²

В мае 1867 г. Е.Г. Гинцбург купил в центре Парижа, недалеко от Триумфальной арки около 2788 кв. м. престижной земли и сразу приступил к строительству собственного дома, общей площадью 1722 кв. м. Архитектором был приглашен Шарль Руо де Флери. Отделку особняка доверили скульптору Фредерiku Луи Богино, украсившему фасады здания женскими и мужскими фигурами, а также декором сельскохозяйственной и индустриальной тематики. Интерьер в доме оформляли художники Шарль Шаплен, Александр Доминик Денуэл и Алекс Жозеф Мацеролли. Строительство было завершено в 1870 г. и семья Гинцбург переехала в собственный дом (l'hôtel de Gunzburg).

Один его фасад с садом выходил на площадь Этуаль (place de l'Étoile), а другой — на улицу Тильзит (rue Tilsitt), 7. С нее был парадный вход с небольшим «двором». Две другие стороны здания выходили на авеню де Ваграм (l'avenue de Wagram) и авеню Мак-Магон (l'avenue Mac-Mahon). Особняк с высоким цокольным этажом, двумя этажами и мансардой был обнесен кованной чугунной оградой. В доме имелись погреба, собственная котельная, единое водоснабжение, бытовой газ и электричество, были даже гидropневматической лифт и телефон. Напротив особняка на той же улице Тильзит было построено еще одно строение для различных служб⁶³.

Осев в Париже, Евзель Гинцбург вместе с сыном Горацием продолжали вести коммерческие дела в России, деля жизнь между Петербургом и Парижем, где оставались их семьи. Со временем Гинцбург-старший все реже и реже приезжал в Россию, предпочитая подолгу жить во Франции. Последняя его поездка в Петербург состоялась с июля по ноябрь 1874 г.⁶⁴ С середины 1870-х гг. из-за болезни он постоянно находился в Париже, где умер 31 декабря 1877 г. (12 января 1878 г.) от апоплексического удара⁶⁵.

Е.Г. Гинцбург был похоронен 2 (14) января на парижском кладбище Монпарнас (Le cimetière du Montparnasse) в фамильном склепе, где покоилась скончавшаяся годом ранее его невестка — Анна Гесселевна⁶⁶. Она умерла 27 ноября (9 декабря) 1876 г.

На похоронах Евзеля Гинцбурга присутствовали его сыновья, внуки, племянники, двоюродные племянники, русский чрезвычай-

ный посланник во Франции князь Н.А. Орлов, все сотрудники посольства, французские финансисты⁶⁷.

Громадное состояние и фирма «И.Е. Гинцбург» перешли к трем сыновьям Евзеля Гинцбурга — Горацию, Урию и Соломону. Согласно завещанию отца пользование наследственными правами обуславливалось сохранением сыновьями российского подданства, а также веры предков. В духовном завещании Гинцбург распорядился не отчуждать Таврические имения, превышавшие 50 тыс. дес. земли, до смерти последнего из своих наследников, а доходы от них направлять по усмотрению старшего сына Горация только на благотворительные цели. Выполняя волю отца, братья в 1879 г. через министра юстиции Д.Н. Набокова обратились к Александру II с просьбой все крымские имения отца «обратить в полную и неотъемлемую собственность особого учреждения под названием “Наследственного учреждения семейства Гинцбург”» с правами юридического лица. Целью для основания семейного фонда была финансовая поддержка всех без исключения потомков Е.Г. Гинцбурга. Такое право Гинцбургам было даровано⁶⁸. В 1905 г. наследники приняли решение образовать «капитал в обеспечение благотворительных выдач, для чего... совершить залог части таврических имений»⁶⁹. Вследствие не вполне удачного управления имениями в Крыму доход от них был сравнительно невелик и не превышал 60—70 тыс. руб. в год, но их рыночная стоимость была весьма значительной.

Вдова барона Гинцбурга Раиса Давидовна по завещанию супруга получила в пожизненное пользование недвижимое владение, которое приносило ежегодный доход не менее 30 тыс. руб., но поскольку в числе наследства такого имения не было, то с ее согласия сыновья договорились пожизненно переводить матери через парижскую контору банкирского дома «И.Е. Гинцбург» по 10 тыс. фр. в каждый месяц, т.е. 120 тыс. фр. в год, что соответствовало сумме 30 тыс. руб. сер.

Дочь Хая-Матлея Фульд по распоряжению отца получила земельный участок в Париже на улице Тройон и дом на улице Тильзит, 7, которые она по соглашению оставила в общей массе наследства завещанного братьям. После двух неудачных попыток наследников Е.Г. Гинцбурга продать особняк с торгов, его в июне 1886 г. за 2,2 млн фр. приобрел железнодорожный магнат граф Спирidon Филипп Виталий⁷⁰. Хая-Матлея получила всю свою наследственную долю сполна, в том числе и определенный ей в завещании 1 млн фр. на устройство и содержание детей, а также пожизненную ежегодную ренту 50 тыс. фр.

Кроме того, Евзель Гинцбург завещал на постройку Большой хоральной синагоги в Петербурге 70 тыс. руб., из которых большая часть была перечислена еще при его жизни⁷¹.

На смену банкирскому дому «Штиглиц и К^о»

18 ноября 1859 г. в извещении об открытии в Петербурге банкирского и торгового дома «И.Е. Гинцбург» Евзель Гинцбург доводил до всеобщего сведения, что им уполномочены на управление делами фирмы его сын Гораций и петербургский купец 1-й гильдии Фердинанд Гене⁷². За Е.Г. Гинцбургом, как «главным компаньоном», сохранялось общее руководство делами фирмы.

Старший сын Евзеля Гинцбурга Зискинд, не проявлял особой склонности к коммерческой деятельности, мало интересовался делами семейной фирмы, вел «беспутную парижскую жизнь» и умер в возрасте 47 лет в Неаполе в 1878 г. Отец еще до его смерти фактически отрекся от него и сделал своим преемником второго сына — Горация⁷³. 31 мая 1861 г. во французской прессе появилось сообщение, подписанное Евзелем и Зискиндом (Александром), в котором уведомлялось, что отныне последний обязуется не заключать никаких денежных операций, не подписывать никаких обязательств, не совершать никаких платежей без разрешения своего отца⁷⁴.

Конторы банкирского и торгового дома «И.Е. Гинцбург» в 1860-х гг. имелись в Симферополе, Рогачеве, Звенигородке и Киеве⁷⁵.

15 ноября 1869 г. в Париже было открыто отделение петербургского банкирского дома «И.Е. Гинцбург». Согласно договору компаньонами являлись Евзель Гинцбург, в качестве старшего партнера, и его сыновья Гораций и Соломон. Следующий договор был заключен 14 сентября 1875 г. В 1877 г. Евзель Гинцбург прекратил личное участие в управлении банкирским домом⁷⁶. Заведывание парижским отделением перешло к его младшему сыну Соломону (1848—1905). Он постоянно жил в Париже и лишь изредка приезжал в Россию, предоставляя ведение дел в Петербурге своему доверенному Л.Л. Мейеру.

Парижское отделение банкирского дома «И.Е. Гинцбург» располагалось на ул. Друо (Rue Drouot), 11, позднее — на ул. Святого Георга (Rue Saint-Georges), 1, затем — на бул. Осман (Boulevard Haussmann), 25⁷⁷.

В мае 1886 г. в Петербурге братья Гораций и Соломон Гинцбурги заключили между собой новый договор торгового товарищества о совместном управлении банкирским домом в Петербурге и Париже под фирмой «И.Е. Гинцбург». Оба брата совместно с фридрихсгамским и петербургским купцом 1-й гильдии Адольфом Грубе, а также «вкладчицей, не поименованной в торговом реестре» являлись владельцами торгового и банкирского предприятия на правах полного товарищества. Подобный договор между Горацием, Соломоном

Гинцбургами и А. Грубе сроком на 10 лет был подписан 5 октября 1888 г. в Париже. Уставной капитал составлял 2 млн фр.⁷⁸

Банкирский и торговый дом «И.Е. Гинцбург» в Петербурге почти сразу приобрел европейский вид и характер операций, совершенно отличавшихся от прежней откупной конторы⁷⁹. Новая деятельность требовала более высокой организации дела, выделения и развития специальных подразделений. Создаются отделы текущих счетов и вкладов, вексельный, комиссионный (инкассовый), переводов, фондовый, товарный, корреспондентский, экспедиционный, юрисконсультский и др., совершенствуется деятельность кассы и бухгалтерии. Довольно быстро банкирский дом «И.Е. Гинцбург» стал одним из крупнейших финансовых учреждений не только Петербурга и России, но и Европы.

Петербургская контора банкирского дома «И.Е. Гинцбург» находилась в Адмиралтейской части, на Конногвардейском бул., 17, где занимала огромное помещение. Фасады здания выходили также на Галерную ул., 20 и Замятин пер., 4. Вход в контору находился со стороны Замятина пер. Дом принадлежал известному столичному миллионеру, откупщику И.О. Утину и был построен по его заказу в конце 1850-х гг. архитектором Р.И. Кузьминым. Парадные фасады здания, выходящие на Конногвардейский бул. и Галерную ул., обильно декорированы в стиле барокко многочисленными женскими фигурами и путти, выполненными по моделям скульптора Д.И. Иенсена. В этом огромном доходном доме с мансардой располагалась не только контора банкирского и торгового дома «И.Е. Гинцбург», но правления ряда компаний, учрежденных Гинцбургами. Весь бельэтаж здания с 1876 г. занимала семья Горация Гинцбург. Остальная часть дома сдавалась внаём. В 1879 г. Г.Е. Гинцбург приобрел дом в собственность, а в 1892 г. продал его Петербургскому обществу страхования от огня имущества и страхования пожизненных доходов и денежных капиталов.

По мнению современников, фирма «И.Е. Гинцбург» заменила в Петербурге банкирский дом «легендарного Штиглица», ликвидированного в октябре 1859 г. свои дела⁸⁰. С прекращением частных банкирских дел барона А.Л. Штиглица основные операции с векселями перешли к «И.Е. Гинцбург», частично «Э.М. Мейер и К^о».

С.М. Барац вспоминал, что через его руки в конторе банкирского дома «И.Е. Гинцбург» проходило ежегодно от 40 до 45 тыс. штук векселей из общей массы около 1,2 млн. штук как выписанных из-за границы на Россию, так и выданных в России (частично по дискунту, частично по инкассо). Барац утверждал, что по операции инкассо векселей, присылаемых как из России, так и из-за границы, фирма

«И.Е. Гинцбург» не имела соперников, потому что возникла за 12—15 лет до появления в Петербурге достаточного числа акционерных коммерческих банков, а также потому, что, имея свой филиал в Париже, пользовалась широкой известностью в Европе. Эту позицию по количеству комиссионных векселей фирма Гинцбургов сохраняла до конца своего существования. По размерам учета и переучета векселей она конкурировала с самыми крупными петербургскими кредитными учреждениями, опубликованные отчеты и балансы которых свидетельствовали о том, что ни одному из них не удавалось превзойти по объемам вексельных операций банкирскую контору «И.Е. Гинцбург»⁸¹.

Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» в Петербурге являлся официальным корреспондентом банков Ротшильдов в Париже, Лондоне, Франкфурте и Вене. Тесные деловые контакты сложились с банкирскими домами С. Варбурга в Гамбурге, Г. Блейхредера и «Мендельсон и К^о» в Берлине, фон Габера во Франкфурте-на-Майне, Э. Госкье и Камондо в Париже и др. Через контору «И.Е. Гинцбург» после закрытия «Штиглиц и К^о» переводили деньги многие русские, отправлявшиеся за границу или там находящиеся.

Одним из постоянных клиентов банкирской фирмы «И.Е. Гинцбург» был писатель И.С. Тургенев, который регулярно переводил и получал через нее крупные суммы денег (до 15 тыс. руб.), приобретал и продавал ценные бумаги на разные суммы. Так в письме к Г.Е. Гинцбургу от 8 (16) февраля 1881 г. Тургенев просил своего «любимейшего друга» 5000 руб. «употребить на покупку каких-нибудь верных бумаг и присообщить к 45000 харьковским облигациям», хранящимся в банкирской конторе «И.Е. Гинцбург»⁸².

Сам писатель плохо разбирался в финансовых вопросах и доверял свои денежные и имущественные дела Г.Е. Гинцбургу, уполномочивал его на продажу или заклад своего родового имения Спаского-Лутовинова, хранил в его банкирской конторе свои деньги и ценные бумаги. Кроме деловых отношений между Тургеневым и Гинцбургом сложились теплые дружеские взаимоотношения.

Клиентом конторы «И.Е. Гинцбург» был писатель М.Е. Салтыков-Щедрин, который также пользовался ее услугами, обменивал деньги, покупал и продавал ценные бумаги. В своей переписке Салтыков-Щедрин отмечал добросовестность работы служащих банкирского дома, особенно С.М. Бараца. Однако о самом банкире Г.Е. Гинцбурге писатель отзывался не очень лестно⁸³.

Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» неоднократно предоставлял ссуды для нужд российского правительства. Так во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. сумма его подписки на внутренний

5%-ый заем 1878 г. (Второй восточный заем), выпущенный для покрытия чрезвычайных военных расходов, составила 10 млн руб. Подобный размер подписки, по словам Б.В. Ананьича, был столь значительным, что «дает основание ставить это финансовое учреждение в один ряд с крупными акционерными банками». На такую же сумму подписался Государственный банк и Петербургский Частный коммерческий банк⁸⁴.

В качестве учредителей отец и сын Гинцбурги принимали активное участие в образовании и финансировании многочисленных акционерных обществ в России. При их содействии открылись более 10 акционерных банков⁸⁵, среди которых были Киевский Частный коммерческий банк (1868), Петербургский Учетный и ссудный банк (1869), Одесский Коммерческий банк (1870), Ревельский Коммерческий банк (1871), Русский для внешней торговли банк (1871), Ростовский-на-Дону Коммерческий банк (1871), Самарский Земельный банк (1872), Сибирский Торговый банк (1872), Виленский Земельный, банк (1872), Бессарабско-Таврический земельный банк (1872). Директором Учетного и ссудного банка стал бывший главный бухгалтер банкирского дома «И.Е. Гинцбург» А.И. Зак, а Г.Е. Гинцбург вошел в правление этого банка.

Г.Е. Гинцбург был одним из пайщиков образованного 1 января 1869 г. в Петербурге банкирского дома под названием «Товарищество на вере, Жадимеровский, Баймаков и К^о», с капиталом 200 тыс. руб., внесенных товарищами и пайщиками⁸⁶. Фирма «И.Е. Гинцбург» была одним из кредиторов столичного банкирского дома К.К. Фелейзена⁸⁷.

В мае 1872 г. Е.Г. Гинцбург, И.А. Варгунин, В.И. Сазиков, И.Д. Якобсон и др. заключил договор о содействии к учреждению Петербургского Кредитного банка⁸⁸. Однако воплотить данный проект не удалось.

21 февраля 1880 г. в Париже был учрежден акционерный «Русский и французский банк» (Banque Russe et Française) с капиталом 25 млн фр. Основание этого банка французская и русская пресса приписывала усилиям банкирского дома «И.Е. Гинцбург», имевшему свое отделение в Париже, и постоянно проживающего во Франции Ф.И. Петрокино. В административный совет банка с французской стороны входили С.Е. Гинцбург — глава парижского отделения фирмы «И.Е. Гинцбург», Ф.И. Петрокино и И.П. Скараманга, с российской — Г.Е. Гинцбург, Э.М. Мейер, В.А. Половцов и А.И. Катугар⁸⁹.

В 1870—1873 гг. Е.Г. Гинцбург совместно с французскими банкирами Рафаэлем-Луи Бишофсхеймом, Густавом Хальфеном, Луи-

Жаном Кенигсвартером, Леопольдом Голдсмитом и Андре Лютшером входил в Совет директоров учрежденного Франко-Египетского банка (*Banque franco-égyptienne*)⁹⁰.

Гинцбурги активно вкладывали капиталы в страховое дело, участвуя в учреждении Русского общества перестрахования (1869), Варшавского страхового от огня общества (1870), Киевского взаимного от огня страховании (1872) и Страхового общества «Россия» (1881). Г.Е. Гинцбург состоял директором Русского общества перестрахования и до 1892 г. — членом правления Страхового общества «Россия».

Фирма «И.Е. Гинцбург» также активно участвовала в коммерческих проектах в других сферах предпринимательства. Евзель Гинцбург стал одним из главных акционеров компании Цепного (туэрного) пароходства по р. Шексне (1861). Своей целью она ставила буксировать таурным (цепным) способом суда по рекам Оке, Шексне и Москве от Нижнего Новгорода до городов Коломны и Москвы, от Рыбинска до Белозерского канала. Согласно уставу компания обязывалась в течение трех лет со дня учреждения открыть действия на р. Шексне, а затем и других реках. Учредители обещали предоставить владельцам судов возможность пользоваться цепями компании, если на них будут установлены специальные приспособления⁹¹.

Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» принимал деятельное участие в учреждении и финансировании Товарищества Киевского сахарно-рафинадного завода (1868), Товарищества Чонгарских соляных промыслов (1875), Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов (1881), акционерного общества «Электролит» (1898) др. Гинцбурги являлись крупнейшими акционерами Биби-Эйбатского нефтепромышленного общества (1899), главными пайщиками в Товариществе Могилянского свеклосахарного завода (1880). В 1893 г. банкирский дом «И.Е. Гинцбург» совместно с петербургскими купцами 1-й гильдии И.И. Дурдиным, братьями А.Г. и Г.Г. Елисеевыми и тайным советником В.А. Ратьковым-Рожновым приобрели бывший «Славянский пиво- и медоваренный завод», который стал называться Петербургским акционерным обществом «Новая Бавария».

Фирма «И.Е. Гинцбург» не принимала непосредственного участия в железнодорожном строительстве в России. Однако при ее содействии осуществлялись железнодорожные концессии в огромных размерах. Банкирский дом Гинцбургов сделался главным кредитным учреждением для всех строившихся и эксплуатирувавшихся железных дорог. Основные операции были сосредоточены на реализации железнодорожных займов гарантированных правительством.

Еще только приступив к банковской деятельности фирма «И.Е. Гинцбург» получила ведение дел петербургского агентства Рижско-Динабургской железной дороги, которыми ранее занимался торговый дом «А. Жадимировский и Сыновья», сложивших с себя эти обязанности в связи с ликвидацией⁹².

Евзель Гинцбург владел наибольшим числом акций Главного общества российских железных дорог (1857)⁹³. По соглашению с правлением Русского общества пароходства, торговли и Одесской железной дороги (1870) банкирские учреждения «И.Г. Гинцбург» и «Леон Розенталь» в Петербурге, «Ефрусси и К^о» и «Рафалович и К^о» в Одессе и банкир М.Г. Вейкерсгейм в Вене брали обязательство реализации капитала по 155435 акциям Одесской железной дороги на сумму 15543500 руб. и по производству всех работ и поставок⁹⁴. Кроме того, от них зависели условия и время выпуска акций. Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» участвовал в финансировании Общества Либавской железной дороги (1871) и ряда других обществ.

Другой специализацией банкирского дома «И.Е. Гинцбург» с начала 1870-х гг. стало финансирование золотопромышленных предприятий на Алтае, в Восточной Сибири и Забайкалье. Несмотря на имевшееся в российском законодательстве праве евреев заниматься золотодобычей (Устав о частной золотопромышленности, высочайше утвержденный 24 мая 1870 г.) Гинцбургам пришлось столкнуться с бюрократическими препонами. Назначенный в 1871 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Н.П. Синельников отправил запрос министру финансов М.Х. Рейтерну для подтверждения этого положения. Рейтерн направил запрос в Горный департамент, который в свою очередь потребовал заключения по данному вопросу от Департамента торговли и мануфактур, а тот переправил его в Министерство внутренних дел. Последнее нашло, что «все различные, возбуждаемые относительно евреев вопросы должны быть отложены на неопределенное время, для рассмотрения их в совокупности»⁹⁵. Лишь в 1872 г. после ряда согласований между Министерством финансов, внутренних дел и II Отделением собственной его императорского величества канцелярии было признано, «что из числа евреев могут заниматься в Сибири золотопромышленностью... купцы 1-й гильдии, которые... приобрели право приписываться ко всем вообще городам Российской империи»⁹⁶. На этом основании Гинцбурги получили официальное свидетельство на право ведения золотопромышленной деятельности в Восточной Сибири.

Г.Е. Гинцбург, выступая от имени банкирского дома, от имени отца и по его доверенности, а также от своего имени был участником нескольких крупных золотопромышленных предприятий Рос-

сии. Он владел 280 паями из 1000 Алтайского золотопромышленного дела. В число пайщиков входили генерал-адъютант А.А. Галл, принц Александр Гессенский, генерал от инфантерии П.П. Дурново, тайный советник Е.И. Ламанский, В.А. Ратьков-Рожнов, статский советник Д.В. Стасов, торговый дом «Мейер и К^о», генерал-лейтенант В.И. Асташев. Гинцбург имел 1 пай из 100 Амгунской золотопромышленной компании, пайщиками которой были К.А. Варгунин, статский советник И.Л. Гольдштандт, братья Д.И. и Ф.И. Петрокино, статский советник Н.М. Полежаев, А.Ю. Ротштейн, П.А. Скаманга и др.

Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» приобрел 100 паев из 300 Безрезовского золотопромышленного товарищества. Среди пайщиков были генерал-лейтенант Н.О. Адельсон, принц Людвиг Баттенберг, граф И.И. Воронцов-Дашков, баронесса Е.Ф. Ган, генерал-лейтенант К.И. Гершельман, П.П. Дурново, Е.И. Ламанский, герцог Н.М. Лейхтенбергский, действительный статский советник А.А. Половцов, братья графы П.А. и П.А. Шуваловы и др. Гинцбурги имели 4 пая из 100 Верхне-Амурской золотопромышленной компании. Паями также владели А.М. Абаза, контр-адмирал А.К. Асланбегов, графиня А.Д. Головина, В.А. Ратьков-Рожнов и др. В распоряжении Гинцбургов находилось 247 из 500 паев Забайкальского золотопромышленного товарищества Катышенцева, Каншина и др. Пайщиками были П.Ф. Родоконаки, В.А. Ратьков-Рожнов, торговый дом «Мейер и К^о» и др.

Г.Е. Гинцбург располагал $\frac{1}{2}$ % от всего добытого золота и 20 паями из 400 Миасского золотопромышленного дела. Кроме него паи имели К.А. Варгунин, Петербургский Международный коммерческий банк, П.П. Дурново, И.Д. Красносельский, Ю.С. Нечаев-Мальцов, Э.Е. Линдес, В.А. Ратьков-Рожнов и др. Гинцбурги приобрели 6 и $\frac{1}{12}$ пая из 44 Удереиской золотопромышленной компании. В собственности банкирского дома «И.Е. Гинцбург» числились 30 паев из 100 «Южно-Алтайского золотопромышленного дела «П.Д. Мальцев и К^о»». В числе пайщиков были генерал-лейтенант Н.О. Адельсон, генерал-майор Н.И. Бобриков, генерал-лейтенант Н.П. Брок, А.А. Галл, генерал-адъютант К.И. Гершельман, князь А.К. Имеретинский, Е.В. Ламанский, Ю.С. Нечаев-Мальцов, Л.С. Поляков, М.Н. Прокудин-Горский, В.А. Ратьков-Рожнов, торговый дом «Мейер и К», барон К.К. Фелейзен, граф П.А. Шувалов.

Г.Е. Гинцбург был одним из основных пайщиков Ленского золотопромышленного товарищества. Скупая векселя иркутских купцов — основателей общества он разорил сначала одного, затем другого. В результате банкирский дом «И.Е. Гинцбург» полу-

чил 410 паев из 900. Среди пайщиков были В.А. Ратьков-Рожнов, П.Ф. Родоканаки, Российское золотопромышленное общество, торговый дом «Э.М. Мейер и К^о». Директорами правления были Г.Е. Гинцбург, управляющий торговым домом «Э.М. Мейер и К^о», статский советник К.Ф. Винберг, инженер С.Е. Палашковский, Альфред Горациевич Гинцбург и купец И.Д. Красносельский⁹⁷.

В мае 1895 г. Г.Е. Гинцбург стал соучредителем крупного акционерного предприятия получившего название «Российское золотопромышленное общество». Среди основанных Гинцбургами предприятий было акционерное общество «Платина» (1899) с основным первоначальным капиталом 1,2 млн руб., разделенных на 2400 акций по 500 руб. каждая. Обществу принадлежали платиновые и золотоносные прииски в Пермской губернии в Верхнетурском уезде по рекам Иса, Тура и Актай, а также в Кунгурском уезде по реке Серебряной.

Однако самым масштабным из всех золотодобывающих предприятий Гинцбургов было Ленское золотопромышленное общество, ведавшее большим числом приисков, разбросанных на обширных пространствах Иркутской губернии и Якутской области. Основной капитал «Лензолота» составлял 4,5 млн руб. разделенный на 9 тыс. акций по 500 руб. В феврале 1897 г. по предложению Г.Е. Гинцбурга основной акционерный капитал был увеличен на 1,5 млн руб. выпуском 3 тыс. акций по 500 руб. каждая. 5 февраля 1898 г. акции «Лензолота» были допущены к котировке на Петербургской бирже. В марте того же года по ходатайству чрезвычайного общего собрания акционеров капитал общества был увеличен еще на 3 млн руб. выпуском 6 тыс. новых акций. По размерам «Лензолото» являлось не только самым крупным золотопромышленным предприятием в России, но и одним из крупнейших в мире. Оно имело свою Бодайбинскую железную дорогу, связывавшую прииски с большой землей. В 1909 г. Товарищество основало собственное пароходство. За границей, в Англии были заказаны крупные, мощные пароходы: «Барон Гораций Гинцбург», «Карл Винберг», «Альфред», металлические баржи большой грузоподъемности для работы на реках Лене и Витиме.

Гинцбурги инвестировали капиталы в ряд французских компаний. Они имели доли в Câbles télégraphiques, Accumulateurs Dinin, Paris & Rhône, Est-Lumière, Mines d'Algérie et de Tunisie, Pétrofina, Société St. Louis du Rhône и др.

Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» установил прочные партнерские отношения со многими как российскими, так и европейскими банкирами и промышленниками. Часто они подкреплялись брачными узами. Гинцбурги были связаны родством с Е.М. Ашкена-

зи, Л.И. Бродским, С. Варбургом, Э. Ротшильдом, С. Голдсмитом, И. Сасун, Л. фон Гутманом и др.

Гораций Гинцбург и Евгений Ашкенази были женаты на родных сестрах Анне и Луизе, в девичестве Розенберг. Соломон Гинцбург женился на дочери парижского банкира Соломона Голдсмита Генриетте-Эрнестине. На дочерях сахарозаводчика Л.И. Бродского Гетте женился Исаак Горацевич Гинцбург, а Кларе — Владимир Горацевич Гинцбург. Александр Горацевич Гинцбург женился на дочери С. Варбурга Розе, которая приходилась ему двоюродной сестрой. Петр Горацевич был женат на Ивонне — дочери известного французского финансиста и мецената Эмиля Дейтша де ля Мерта. Дочь Евзеля Гинцбурга Хая-Матлея вышла замуж за Поля Фульда. Их старшая дочь Эмилия вышла замуж за Эмиля-Соломона-Жоржа Хальфина, другая дочь Мари-Генриетта стала женой барона Эдмона (Эдуарда) де Ротшильда, третья Сузанна — супругой французского живописца, композитора и судовладельца Рауля Градиса.

Гораций Гинцбург: «Банкир и биржевой Ваал...»

По мере расширения коммерческой деятельности отца, к управлению семейными делами приобщался Гораций Евзелевич (Осипович) Гинцбург, «постоянно состоящий с ним в нераздельном капитале» («числящийся в капитале отца», «при отце») еще с конца 1840-х гг.⁹⁸ Он с юношеских лет сопровождал родителя в его деловых поездках, в том числе и в Петербург.

Гораций родился 14 января 1833 г. в Звенигородке Киевской губернии, детство и отроческие годы провел в Каменец-Подольске, где проживала семья и были главные коммерческие интересы отца. В соответствии с желанием отца он получил одновременно религиозное еврейское и светское образование, в частности изучал современные иностранные языки. По обычаю того времени состоятельные евреи избегали отдавать своих детей в ходеры и давали им образование дома, приглашая учителей. Древнееврейскому языку, Талмуду, Пророкам и Библии его обучал известный деятель еврейской культуры (Хаскалы) гебраист Мордехай Сухоставер, автор опубликованного в 1829 г. введения к сочинению средневекового теолога и философа Моше Маймонида (Рамбам) «Море Небухим» («Путеводитель сомневающимся»). В течение многих лет Сухоставер был секретарем Евзеля Гинцбурга⁹⁹.

Другим преподавателем Горация был Э.Б. Левин, бывший учитель житомирского раввинского училища, преподаватель образ-

цовой талмуд-торы Лурье в Минске, знаток законодательства об евреях. Он служил в Каменецкой откупной конторе Е.Г. Гинцбурга. С открытием банкирского дома «И.Е. Гинцбург» в Петербурге Левин также переселился в столицу, где занимался коммерческими делами как ошмянский купец 2-й гильдии. Он являлся доверенным лицом и личным секретарем по еврейским делам у Евзеля, а потом у Горация Гинцбургов. Они доверяли Левину ведение своих дел в сношениях с различными учреждениями и ведомствами, а также частными лицами¹⁰⁰.

Круг полномочий Левина был весьма широк. Гинцбурги поручали ему «по всем долгам платежи требовать, в случаях неуплаты векселя протестовать, заемные письма по не платежу заявлять и таковые как и другие разного рода долговые обязательства куда следует ко взысканию представлять, о наложении ареста на движимые и запрещения на недвижимые имущества, а также о личном задержании должников ходатайствовать...»¹⁰¹. Позже добавилось еще одна функция: «куда следует представлять» паспорта и документы служащих в конторах Гинцбургов евреев, ходатайствовать о выдаче им видов на жительство и эти документы представлять в Департамент внутренних сношений Министерства иностранных дел и получать их обратно¹⁰².

В начале 1870-х гг. Евзель Гинцбург перестал поручать Левину в ведение своих коммерческих дел и поручил в соответствии с его призванием «исключительно заниматься еврейским вопросом, следить за всем тем, что пишут за и против... и делать... все возможное в защиту против нападок» на евреев¹⁰³. Левин первым собрал все действующие российские законы о евреях и издал их на средства Г.Е. Гинцбурга. Им были подготовлены многочисленные докладные записки о положении евреев в России, которые представлялись Гинцбургами в разные учреждения. Особенно много работал Левин во время знаменитой Высшей комиссии по пересмотру действующих о евреях в Империи законов (1883—1888) под председательством графа К.И. Палена. В комиссию в качестве экспертов были приглашены и евреи, в том числе и Г.Е. Гинцбург¹⁰⁴. Лишь в начале 1890-х гг. Левин, уже глубоким стариком, после более чем 40 лет службы у Гинцбургов ушел на покой.

В июле 1853 г. 20-летний Гораций Гинцбург женился на своей 15-летней кузине Анне (Хане) Гесселевне (1838—1876). Она была дочерью его родной тетки Эльки Габриэловны и житомирского купца Хаима-Йеошуа-Гершеля (Гесселя Марковича) Розенберга. Он был сотрудником откупной конторы Е.Г. Гинцбурга, а позже стал самостоятельным негодантом, киевским купцом 1-й гильдии, потомственным почетным гражданином. В Киеве Розенберг занимал

видное положение в сахарной промышленности. Другие четыре его дочери также вышли замуж за известных банкиров и финансистов. Теофила-Ривка-Това стала женой банкира Сигизмунда Варбурга, Роза — Йосефа фон Гирша, Розалия — будапештского финансиста Герцфельда (позже разорившегося и поддерживаемого Г.Е. Гинцбургом), Луиза — одесского банкира Е.М. Ашкенази. Все сестры отличались красотой, получили европейское воспитание и образование¹⁰⁵.

Анна Гесселевна по утверждению современников была женщиной «редких душевных качеств», имевшая громадное влияние не только на своего мужа, но и тестя¹⁰⁶. Она родила 8 сыновей: в 1855 г. — Габриэля-Якова, в 1858 г. — Давида, в 1859 г. — Мордехая-Альфреда (Марка), в 1863 г. — Александра-Моисея, в 1865 г. — Авраама-Альфреда, в 1870 г. — Дмитрия-Исаака, в 1872 г. — Петра-Бениамина, в 1873 г. — Владимира-Георга-Вольфа и 3 дочери: в 1862 г. — Луизу, в 1865 г. — Матильду и в 1877 г. Анну-Любовь-Татяну-Сарру. После тяжелых родов младшей дочери она скончалась и была похоронена в Париже на кладбище Монпарнас.

Значительную часть времени Гораций Гинцбург проводил в Париже, и парижская жизнь наложила особый отпечаток на его личность и характер. По своему положению в обществе он принадлежал к так называемому кругу «la JuiveriedelahauteBanque» (еврейство высших банковских кругов), как его именовали французы. В Париже Гинцбург сошелся с Джемсом-Мейером Ротшильдом и его сыном Альфонсом Ротшильдом, позже с английским лордом Натаниэлем Ротшильдом. Вместе они создали несколько учреждений объединявших евреев Востока с единоверцами на Западе.

С 1860-х гг. дела банковского дома стали требовать постоянного пребывания Горация Гинцбурга в России, не желая расставаться со своей семьей, он перевез ее из Парижа в Петербург. С 1874 г. он состоял самостоятельно в петербургском купечестве 1-й гильдии и вел дела семейного торгового и банковского дома «И.Е. Гинцбург».

На деловой почве установились тесные связи Горация Гинцбурга с родным братом императрицы Марии Александровны (супруги Александра II) принцем Александром Гессен-Дармштадским, служившим в русской армии. Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» стал заведовать финансовыми делами семьи великого герцога Гессенского. Его сын князь болгарский Александр I также симпатизировал Гинцбургу и доверял ему вести свои личные дела, как и других представителей Гессенского дома Баттенбергов¹⁰⁷. При каждой поездке в Петербург представители гессенского дома посещали Г.Е. Гинцбурга.

Когда Александр Баттенберг стал болгарским князем, то он предложил Гинцбургу принять участие в постройке железной дороги в

Болгарии и учреждении Национального банка. Болгарские министры и уполномоченные вели с ним переговоры. Гинцбург дал согласие и даже отправил в Софию своего представителя Н.И. Утина, который весьма энергично принялся за дело. Гинцбурга и Утина всячески поддерживал российский дипломатический агент и генеральный консул в Болгарии А.М. Кумани. Но после свершившегося государственного переворота в 1881 г. в Систове дела Гинцбурга в Болгарии закончились ничем¹⁰⁸.

С мая 1868 по 1872 г. Г.Е. Гинцбург состоял гессен-дармштадтским генеральным консулом в Петербурге¹⁰⁹. В 1870 г. великий герцог Людвиг III Гессен-Дармштадский пожаловал Горацию Гинцбургу баронский титул¹¹⁰. Впрочем, «злые языки» утверждали, что звание было куплено. После объединения Германии в 1872 г. должность консула была упразднена, но отношения с гессенским домом сохранились. В 1874 г. великий герцог пожаловал баронский титул и Евзелю Гинцбургу. Высочайшим повелением императора Александра II Гинцбургам с 1879 г. было разрешено пользоваться баронским титулом в России потомственно. Однако пожалование иностранного титула не давало прав на дворянство в России. Гинцбурги, как и Гауфы, оставались в звании потомственных почетных граждан, в каком они состояли до получения баронского титула¹¹¹.

Сомнительный баронский титул Гинцбурга вызывал немало язвительных шуток современников. Популярный в свое время публицист, поэт-сатирик В.П. Буренин отзывался так:

Барон Мордухай благородный
Владелец банкирской конторы...¹¹²

Не менее известный писатель и публицист В.О. Михневич, излагавший свою версию истории семьи Гинцбургов, полагал, что «нынешний представитель фамилии Гинцбургов ничего не имеет общего с темным родоначальником (кроме, конечно, унаследованных от него капиталов), по роду и качеству занятий, да, может быть, не любит об этом и вспоминать. Барон — человек просвещенный, с деликатными и изящными вкусами, весьма ревнив к своему баронскому титулу и, яко барон, имеет “свои фантазии” — фантазии возвышенные и грандиозные, соизмеряемые миллионами банкирских операций»¹¹³.

Другой современник, поэт-сатирик П.К. Мартьянов посвятил барону Г.Е. Гинцбургу следующее четверостишие¹¹⁴:

Банкир и гешефтмахер, биржевой Ваал,
Израильян кагала — туз-магнат,
Под Севастополем составил капитал
За счет народа и солдат.

Сословное положение Гинцбургов было не совсем обычным, даже беспрецедентным. С одной стороны, они числились в соответствующих книгах Департамента герольдии Правительствующего сената как потомственные почетные граждане. В то же время Департамент герольдии на основании высочайшего повеления о предоставлении Гинцбургам права пользоваться потомственно баронским титулом занес их в книгу титулованного дворянства.

Гинцбурги составили герб, представлявший собой щит, разделенный на четыре части. В первой и четвертой частях на белом поле было расположено изображение согнутой в локте руки в латах с копьем, на котором повязан красный вымпел. Во второй и третьей частях на красном поле были изображены пчелиный кокон и три пчелы. Щит венчала баронская корона, сверху которой находился шлем с перьями и еще одной дворянской короной, а также клейнодом в виде вздыбленного оленя. Щитодержателями был лев и олень, стоящие на кронштейне, в орнаменте которого располагался девиз: «Laboremus» (Будем трудиться). Герб был утвержден Департаментом герольдии, но правительство прав дворянства за Гинцбургом не признало. Иудей-дворянин в Российской империи было явлением чрезвычайно редким, даже «парадоксальным феноменом»¹¹⁵.

Прецедентов получения дворянства евреями известно несколько. Банкир Л.С. Поляков в 1897 г. за службу попечителем Мариинского благотворительного приюта в Москве и Ивановского-Девичьего училища в Петербурге получил дворянство по чину действительного статского советника и ордену Св. Станислава 1-й степени. Издатель А.Ф. Маркс получил дворянство за службу в качестве почетного члена Попечительства для сбора пожертвований на воспитание сирот и устройства бедных детей, а также по ордену Св. Владимира 4-й степени, композитор и пианист А.Г. Рубинштейн — за заслуги оказанные Петербургской консерватории и ордену Св. Владимира 4-й степени, И.С. Блюх — за службу членом Ученого комитета Министерства финансов, председателем Варшавского биржевого комитета и Варшавского купеческого общества, а также ордену Св. Владимира 4-й степени. Среди возведенных в дворянство евреев были Иван Синадин (по ордену Св. Владимира 4-й степени и службу почетным мировым судьей), Меркурий Комаров (по чину действительного статского советника и «особо полезную деятельность на поприще торговли»)¹¹⁶. По переписи 1897 г. в Российской империи проживало 196 потомственных и 2905 личных дворян-евреев обоего пола¹¹⁷.

Дворянский титул согласно статьям 22 и 37 Законов о состояниях и статьи 143 Учреждения орденов и других знаков отличий Свода

законов Российской империи давался при получении чина действительного статского советника, орденов Св. Станислава 1-й степени и Св. Владимира 4-й или 3-й степеней (до 1900 г.), с распространением прав на всех детей, рожденных до пожалования. Дворянство могло быть даровано за благотворительную деятельность и крупные пожертвования. Именно так приобрели привилегированный статус большинство евреев-дворян в России. На это рассчитывал и Г.Е. Гинцбург.

20 мая 1863 г. Гинцбург был определен почетным членом Комитета детского приюта имени принца Петра Георгиевича Ольденбургского. 9 февраля 1871 г. он был избран почетным членом Совета Дома призрения и ремесленного образования бедных детей в Петербурге, состоявшего под покровительством Александра II. В феврале 1873 г. Советом Дома презрения детей он был избран членом Распорядительного комитета, а в 1875 г. Общим собранием членов Дома призрения был избран членом Совета. В том же году наследник цесаревич Александр Александрович назначил Гинцбурга старшим почетным членом Дома призрения. За особые заслуги по представлению Попечительского совета приюта принца Ольденбургского имя барона Гинцбурга в 1893 г. было занесено на мраморную доску. Основанием было то, что за время службы он пожертвовал приюту 35 тыс. руб.¹¹⁸

С 1873 г. по высочайшему соизволению Гинцбург состоял членом-благотворителем Общества попечения о раненных и больных воинах, как ежегодно жертвующий на его нужды по 500 руб. Тогда же «за участие в обеспечении Ремесленного училища цесаревича Николая» Г.Е. Гинцбург получил портрет Александра II с его собственноручной надписью¹¹⁹.

В феврале 1880 г. на основании всеподданнейшего доклада министра финансов С.А. Грейга «о полезной деятельности на поприще торговли и промышленности» Г.Е. Гинцбургу было пожаловано звание коммерции советника¹²⁰. За содействие к успешному размещению 5%-ых банковых билетов 5-го выпуска 25 июня 1883 г. он всемилостивейшее был пожалован чином статского советника, а в ноябре 1884 г. по Министерству финансов получил следующий чин действительного статского советника¹²¹. 31 октября 1886 г. Гораций Гинцбург был назначен членом Совета торговли и мануфактур и состоял им в течение двух четырехлетий¹²².

В 1885 г. Г.Е. Гинцбург пожертвовал на выдачу пособий обедневшим лицам биржевого купечества особый капитал, составлявший 5700 руб. Являясь членом Попечительского совета Биржевой барочной больницы в память императора Александра II Гинцбург оказы-

вал регулярные пожертвования на ее содержание. Только в 1898 г. он внес в кассу Петербургского биржевого комитета 10 тыс. руб. в счет капитала в 25 тыс. руб., пожертвованного им на сооружение при Биржевой больнице особого барака для больных¹²³.

В 1891 г. Гинцбург пожертвовал 75 тыс. руб. на образование особого капитала при Императорском Институте экспериментальной медицины, за что был «удостоен изъявления высочайшей благодарности»¹²⁴.

Ежегодно барон Г.Е. Гинцбург вносил по 3 тыс. руб. в Комитет общества для распространения просвещения между евреями в России. Также на образование еврейского юношества он неоднократно жертвовал суммы по 2700 руб.¹²⁵

Список всевозможных пожертвований Гинцбурга на различные нужды и полученные высочайшие поощрения занимал большую часть его Формулярного списка о службе. По утверждению Слюзберга, Гинцбург на благотворительность тратил от 500 до 700 тыс. руб. в год¹²⁶.

С 1873 по 1892 г. Г.Е. Гинцбург состоял гласным Петербургской думы и принимал участие в заведывании школьным делом, находившемся в ведении Школьной комиссии, председателем которой был его друг М.М. Стасюлевич. Будучи гласным Гинцбург предложил городу за 8 млн руб. выкупить все имевшиеся предприятия газового и электрического освещения и основать новое «Центральное общество столичного освещения» всех улиц, площадей, магазинов, казенных, общественных зданий и частных квартир Петербурга. Однако монопольное положение новой компании не нашло поддержки у городских властей. В 1892 г. вышло новое Положение о городском самоуправлении, по которому в городах внутренних губерний, в том числе и в Петербурге, евреи исключались из всех органов городского самоуправления.

В 1901 г. был образован Совет Фондового отдела Петербургской биржи. В его состав вошли наиболее влиятельные столичные финансисты, среди которых был Г.Е. Гинцбург. Он оставался членом Совета до своей смерти. Председатель Петербургского биржевого комитета и Совета фондового отдела А.Я. Прозоров отмечал, что «барон Гинцбург пользуется самой лестной для него и вполне залуженной репутацией в торгово-промышленных сферах России», а его заслуги в коммерческой сфере «неоднократно были признаваемы и поощряемы правительством»¹²⁷.

Г.Е. Гинцбург был награжден несколькими российскими и иностранными орденами. 1 января 1888 г. он был отмечен орденом Св. Станислава 1-й степени по Министерству финансов, 30 августа

1879 г. — Св. Владимира 3-й степени по Дому призрения и ремесленного образования бедных детей в Петербурге, 28 августа 1877 г. — Св. Владимира 4-й степени, 2 августа 1874 г. — Св. Анны 2-й степени, 30 июня 1872 г. — Св. Станислава 2-й степени — три последних ордена были пожалованы по Приюту принца Ольденбургского. Кроме того, Гинцбург имел знак Красного креста. Из иностранных наград Гинцбург имел орден Ольденбургского герцога Петра-Фридриха-Людвига 4-й степени, кавалерский орден Франца-Иосифа, пожалованный австрийским императором и командорский крест Филиппа Великодушного со звездой, пожалованный великим герцогом Гессенским¹²⁸.

В 1896 г. Г.Е. Гинцбург получил две серебряных медали в память императора Александра III на Александровской ленте и в память коронации Николая II на Андреевской ленте. В 1897 г. он получил темно-бронзовую медаль за труды по первой всеобщей переписи населения на ленте из государственных цветов¹²⁹.

В 1896 г. попечитель приюта принца Ольденбургского Ф.И. Базилевский и в 1897 г. Петербургский биржевой комитет ходатайствовали о награждении Г.Е. Гинцбурга очередным орденом Св. Анны 1-й степени «по случаю... священного коронации» Николая Александровича¹³⁰. Однако по всеподданнейшему докладу министра финансов С.Ю. Витте, высочайшего соизволения на награждение не последовало. Основанием отказа стало то, что данный орден не мог быть пожалован Гинцбургу «как лицу занимавшему должность ниже IV класса (ст. 5 т. III Свода законов Учреждения орденов, изд. 1892 г.)»¹³¹.

Несколько раз барон Г.Е. Гинцбург пытался получить потомственное российское дворянство, положенное ему по чинам и орденам, и подавал прошения на имя императора, чтобы «устранить... неопределенность» своего положения¹³². Последняя попытка получить дворянство была предпринята Гинцбургом в 1903 г. к своему 70-летию, но прошение вновь было отклонено Николаем II. Основанием для отказа стало законодательное положение о запрете для евреев «внесения в губернские родословные книги»¹³³.

Это запрещение последовало вскоре после того как права дворянства были пожалованы банкиру Л.С. Полякову, вызвавшее значительное недовольство в дворянской среде. Согласно Г.Б. Слиозбергу, Канцелярия по принятию прошений на высочайшее имя, которое возглавлял барон А.А. Будберг, представило на имя Николая II доклад с весьма подробным перечислением заслуг Гинцбурга, но само изложение дел, было настолько неясно, что из него император не понял сущность ходатайства. Николай II отказал, полагая, что речь

идет не о признании прав дворянства за Гинцбургом, а о разрешении ему быть внесенным в дворянские книги, в изъятие из незадолго до того принятого закона, запрещавшего включать евреев, получивших по службе чин действительного статского советника и вместе с ним права дворянства, в дворянские общества и записывать их в родовые книги губерний¹³⁴.

По утверждению личного секретаря Гинцбурга Г.Б. Слиозберга, барон и без дворянского звания представлял собою «совершенный тип аристократа в лучшем смысле этого слова»¹³⁵. Высокий, статный, с изящными манерами, с мягким и добродушным взглядом, с почти постоянной приветливой улыбкой на устах, он был олицетворением благородства. Все в нем располагало — и манера говорить (впрочем, по-русски он изъяснялся менее легко, чем по-французски), и жесты, спокойная, полная достоинства манера держаться, отсутствие каких-либо резких выражений, даже в тех случаях, когда предмет беседы ему был неприятен. В оценке Слиозберга, Гинцбург был человеком мягким, податливым и даже внешне не производил впечатления сильной, волевой личности¹³⁶.

Как и его отец, Г.Е. Гинцбург был глубоко религиозным человеком. Он искренне был уверен, что иудаизм вечен и является предтечей всякой культуры. Этого своего убеждения он никогда и ни от кого не скрывал, а напротив, постоянно его высказывал. Слиозберг вспоминал, что о чем бы ни шла речь, какая бы не обсуждалась тема, барон любил всегда ссылаться на то, что в еврейских книгах уже давно имеется их разрешение, поскольку иудаизм универсален и в нем содержится решение всех проблем человечества. Его любимой фразой было: «да ведь в Талмуде давно все сказано»¹³⁷.

Отличительной чертой Г.Е. Гинцбурга был его безграничный пиетет к памяти своего отца. Для него не существовало другого высшего авторитета, и он часто говорил: «Мой отец так поступал или находил нужным так поступать». Родитель был главным мерилом для его повседневной деятельности. Он как будто всю свою жизнь исполнял его заветы, будто тень отца стояла за ним и советовала, как надо поступать в разных ситуациях¹³⁸.

Г.Е. Гинцбург соблюдал, насколько это было возможно, ритуальные требования иудаизма и чтил субботу. Но особенно торжественные были в доме барона пасхальные трапезы накануне первого и второго дня Пасхи — седер, к участию в которой приглашались самые близкие друзья. Хозяин в точности выполнял весь обряд седера, производя впечатление патриарха, исполнителя Божьего завета. Быть приглашенным к седеру считалось особой честью.

Религиозность Гинцбурга внушала уважение представителям других конфессий. Никто, даже министры не назначали ему аудиенцию в субботний день, т.к. знали, что в этот день барон не может пользоваться экипажем, а ходить пешком ему утомительно. В субботу он не подписывал никаких бумаг. Все служащие в конторе знали об этом, и все спешное заготовлялось и подавалось на подпись заблаговременно, в пятницу. В субботние дни он даже сам не открывал писем и телеграмм. Ему подавали их уже вскрытыми¹³⁹.

Для подавляющего большинства евреев России Гинцбурги являлись «культовыми» фигурами. Еврейское население России почитало их, как защитников своих интересов и чаяний, штадланами (ходатаями) по делам единоверцев перед властями. По инициативе Евзеля Гинцбурга правительство разрешило построить первую синагогу в Петербурге, в котором он возглавлял еврейскую общину. В 1863 г. он инициировал учреждение Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ) и почти полностью его субсидировал. После смерти отца Гораций Гинцбург возглавил петербургскую еврейскую общину и ОПЕ.

В значительной степени на средства Гинцбургов в Петербурге была построена Большая хоральная синагога. Во время церемонии торжественного освящения Большой синагоги 8 декабря 1893 г. руководители общины открыли серебряным ключом центральную дверь и внесли в зал 7 свитков Торы. Первый свиток нес председатель правления общины барон Г.О. Гинцбург, за ним шли с зажженными свечами М.А. Варшавский и Л.Я. Поляков. Сыновья Евзеля Гинцбурга в память об отце пожертвовали самую почитаемую принадлежность любой синагоги — Арон Кодеш (священный ковчег) для хранения свитков Торы¹⁴⁰.

Когда в 1905 г. по России прокатилась волна еврейских погромов, Гинцбург организовал и возглавил Комитет помощи жертвам погромов.

Общественная деятельность барона Гинцбурга не ограничивалась исключительно только еврейскими вопросами. В Петербурге ни одно крупное начинание не проходило без участия Г.Е. Гинцбурга, чаще в виде денежного пожертвования. Он финансировал Институт экспериментальной медицины, Общество для доставления средств Высшим женским курсам, Общество для пособия слушательниц врачебных и педагогических курсов и др. В память своего сына Марка, умершего в 1878 г., в Академии искусств Гинцбург создал фонд для выдачи премий еврейским художникам, но назначались они редко, т.к. доступ в Академию для евреев был ограничен. Барон Гинцбург являлся одним из учредителей Археологического института, в котором был избран почетным членом и членом правления, был од-

ним из учредителей и председателем правления Общества дешевых гигиенических квартир для еврейского населения (1900). В благотворительной деятельности участвовала и его супруга Анна Гесселевна. Она патронировала Сиротский дом для евреев на Васильевском острове.

Г.Е. Гинцбург интересовался наукой и искусством, был близок с литераторами В.К. Арсеньевым, П.Д. Боборыкиным, И.А. Гончаровым, А.Н. Пыпиным, М.Е. Салтыковым-Щедриным, В.В. Стасовым, М.М. Стасюлевичем, И.С. Тургеневым, музыкантами Л.С. Ауэром, К.Ю. Давыдовым, братьями А.Г. и Н.Г. Рубинштейнами, художниками М.М. Антокольским, А.П. Боголюбовым, Н.И. Крамским, философами К.Д. Кавелиным, В.С. Соловьевым, юристами А.Ф. Кони, В.Д. Спасовичем, врачами И.В. Бертенсоном, С.П. Боткиным и др.¹⁴¹

Барон Гинцбург был в товарищеских отношениях с генерал-майором И.Д. Черником, одним из приближенных императора Александра II, генералом графом Н.Н. Муравьевым-Амурским, государственным секретарем и министром финансов А.А. Абазой, товарищем министра финансов П.Н. Николаевым, управляющим Государственным банком Е.И. Ламанским, бароном М.А. Корфом, братьями графами Н.В. и В.В. Левашовыми, братьями графами П.А. и П.А. Шуваловыми, которые участвовали в золотопромышленных делах Гинцбургов. Завсегдатаями в доме барона был начальник штаба гвардии генерал Н.И. Бобриков, позже генерал-губернатор Финляндии, генерал К.И. Гершельман. Гинцбург был хорошо знаком с комендантом Петербурга генералом Н.О. Адельсоном, министром народного просвещения графом И.И. Толстым. Среди посещавших дом барона был генерал П.П. Дурново, с 1905 г. — генерал-губернатор Москвы, также пайщик в золотопромышленных предприятиях Гинцбургов.

Г.Е. Гинцбург был участником знаменитых «экономических обедов», инициатива и организация которых принадлежала В.П. Безобразову. Раз в месяц собирались в одном из ресторанов Петербурга экономисты, государственные деятели, иногда министры и их товарищи, представители финансовых кругов. Во время обедов и после них происходили оживленные дебаты на заранее объявленную тему. Избранный состав аудитории вынуждал ораторов основательно готовиться к выступлению, благодаря чему застольные беседы превращались в серьезное обсуждение, а сами встречи — в некое совещательное учреждение по вопросам русской экономической политики. Прения продолжались иногда допоздна. С «экономическими обедами», имевшими огромное влияние на русскую жизнь, считались все крупные российские политики. Их даже называли «экономическим парламентом»¹⁴². Барон Гинцбург, не принадлежавший к числу ис-

кусных ораторов, во время обедов чаще молчал. Попытки председателя дать Гинцбургу высказать компетентное мнение по тому или иному финансовому вопросу заканчивались тем, что тот ограничивался несколькими предложениями или передавал слово своему постоянному соседу по столу директору Учетного и ссудного банка А.И. Заку¹⁴³.

Не все отношения Гинцбурга с высокопоставленными особами основывались на бескорыстной основе, часто имелась личная обоюдная выгода. Журналист Л.М. Клячко уверял, что министр внутренних дел граф Н.П. Игнатъев во время завтраков с Гинцбургом в одном из кабинетов ресторана «Донон» иногда впадал в «искусственную дремоту». Тогда все почтительно выходили из кабинета, дабы не беспокоить титулованную особу. Через несколько секунд «правая рука» Гинцбурга и его секретарь по еврейским вопросам Д.Ф. Фейнберг осторожно входил в кабинет и вкладывал в боковой карман «дремлющего» министра пакет с деньгами и скромно выходил. Переждав несколько минут, он заглядывал в кабинет и если Игнатъев все еще дремал, то это означало, что надо еще добавить. По уверению Клячко, однажды граф Игнатъев потребовал от Гинцбурга собрать 2 млн руб. за прекращение еврейских погромов. Конечно, не все что писал Клячко, вызывает полное доверие, но в данном случае он ссылался на рассказ одного из участников этих завтраков с графом Игнатьевым — Фейнберга¹⁴⁴.

Кроме этого, есть еще одно свидетельство, приводимое Г.Б. Слизберггом, который ссылался на самого Гинцбурга. Он вспоминал, что во время одного из приемов барона Игнатьевым, последний недвусмысленно намекнул, что ожидает от евреев взноса значительной суммы денег, будто бы собранных и переведенных в банкирский дом «И.Е. Гинцбург»¹⁴⁵.

Не лишен интереса факт причастности барона Г.Е. Гинцбурга к тайной монархической организации «Священная дружина», состоящей из многих высокопоставленных особ, и ее финансирования. Впервые об этом написала нелегальная газета «Народная воля». В номере от 5 февраля 1882 г. содержалась заметка под заглавием «Лига добровольцев-шпионов», в ней сообщалось, что «мысль об этом учреждении зародилась во время летнего путешествия Александра III» в 1881 г. и так понравилась, «что превратилась в постоянное учреждение» — «Лигу», которая поставила своей целью борьбу с кралолюю и искоренение всех нелегальных проявлений русской жизни». Главными деятелями «Священной дружины» называли графа П.П. Шувалова, графа И.И. Воронцов-Дашкова, министра внутренних дел Н.П. Игнатьева, обер-прокурора Синода К.П. Побе-

доносцева, графа А.А. Бобринского, П.П. Дурново, великих князей Владимира и Алексея. Народовольцы к ним причисляли и барона Г.Е. Гинцбурга¹⁴⁶.

Известный писатель, масон М.А. Алданов в письме другому масону А.В. Давыдову утверждал: «Русские богатые евреи, как впрочем и некоторые православные миллионеры... давали деньги революционерам. Как курьез (и малоизвестный), сообщу Вам, что еврейские миллионеры давали деньги... и контрреволюционной “Священной дружине”. Она получила немало денег от барона Г. Гинцбурга, от Полякова и от киевского сахарозаводчика... Зайцева, который давал деньги на это Витте»¹⁴⁷. Однако эти обвинения не подкреплялись никакими документами.

Лишь в 1960-х гг. исследовательнице Л.Т. Сенчаковой удалось обнаружить в ЦГАОР СССР (Центральный государственный архив Октябрьской революции, с 1992 г. — Государственный архив Российской Федерации) список из 709 членов «Священной дружины», среди которых был барон Гинцбург¹⁴⁸. Схожий документ содержится в бумагах журналиста М.К. Лемке¹⁴⁹.

Двусмысленность ситуации заключалась в том, что, с одной стороны, барона Гинцбурга упрекали в поддержке революционно настроенной еврейской молодежи. Так, бывший активный участник революционного движения 1860—1870-х гг. Н.И. Утин (сын миллионера И.О. Утина), отойдя от политической деятельности, управлял на Урале Сергинско-Уфалейскими горными заводами Гинцбурга. А с другой стороны, Гинцбург был членом «Священной дружины», некоторых представителей которой (конечно, не его) подозревали в организации еврейских погромов. Впрочем, никаких доказательств подобных обвинений не было и нет.

Причастность Г.Е. Гинцбурга к «Священной дружине» можно объяснить его знакомством со многими ее «главными деятелями», а также теплыми чувствами к Александру II. После его убийства народниками Гинцбург даже заказал Антокольскому скульптуру погибшего императора в полный рост и хотел установить ее в Петербургской хоральной синагоге. Но это оказалось невозможно, тогда Гинцбург подарил ее Академии художеств¹⁵⁰.

«Падение Титана»

В начале марта 1892 г. банкирский дом «И.Е. Гинцбург» пережил сильнейшее потрясение — приостановку платежей, учреждение администрации и закрытие. В конце 1891 г. фирма стала ощущать се-

резные затруднения. Это было время сильного падения курса русского рубля, в результате чего банкирский дом нес огромные потери.

Министерство финансов давно было обеспокоено резкими колебаниями денежного курса. Особенно остро вопрос встал в конце 1880-х гг. В первой половине 1880-х гг. курс колебался около средней цены 63 коп. за кредитный рубль, с 1885 г. он стал быстро падать и 16 февраля 1888 г. опустился до цены 50 коп. Весной 1888 г. начинается столь же быстрый подъем курса рубля. В апреле стоимость его составляла 69 коп., а к осени 1890 г. достигла 81,83 коп. Однако через год к 7 ноября 1891 г. курс кредитного рубля вновь опустился до 57,80 коп.¹⁵¹

Крайняя неустойчивость денежного курса отражалась на экономике страны. Известны случаи, когда резкие колебания курса рубля происходили в продолжение одного биржевого дня. Нестабильность рубля делала его удобным объектом для биржевой игры и спекуляции.

«Местом такой спекулятивной игры, — считало Министерство финансов, — являются, главным образом, наши биржи...»¹⁵², а также некоторые заграничные биржевые центры, которые «в широких размерах производят спекулятивные сделки на курс кредитного рубля, с преобладающей тенденцией в сторону понижения, превращая своими операциями кредитный рубль в предмет игры и ажиотажа и поддерживая тем неустойчивость и постоянное колебание нашего рубля...». Министерство финансов неоднократно повторяло, что русские кредитные билеты стали излюбленным объектом биржевой спекуляции, превратившись в настоящий товар, обращающийся в значительных размерах на заграничных биржах¹⁵³. Русские банкирские учреждения обвинялись в том, что они высылали по почте запасы кредитных рублей за границу для спекуляции с ними. В России в спекуляцию на курс кредитного рубля были втянуты некоторые коммерческие банки, банкирские дома и конторы, а также частные лица.

Управляющий Министерством финансов И.А. Вышнеградский в июне 1887 г. представил в Комитет финансов записку с соображениями о мерах по упорядочению вексельного курса и денежного обращения. В записке указывалось на значительный вред от обесценивания русского кредитного рубля и еще больше от его колебаний. Вышнеградский высказывал убеждение, что устранение этого зла при помощи постепенного доведения ценности кредитного рубля до нарицательной его стоимости представляется едва ли выполнимым, но даже не желательным. По мнению управляющего Министерством финансов, следовало стремиться к упрочению ценности кредитного рубля, приняв за основание средний курс, который держался в по-

следнее время. Устранение колебаний рубля и упорядочение денежного обращения, полагал Вышнеградский, возможно лишь при условии допущения свободного размена кредитных билетов на звонкую монету. Для этого необходимо значительное усиление разменного фонда, разрешить сделки на металлическую валюту, а также провести ряд других мероприятий. Эта записка рассматривалась 28 июня 1887 г. на заседании Комитета финансов, в котором участвовали бывшие министры финансов М.Х. Рейтерн и Н.Х. Бунге. Большинство голосов предложение Вышнеградского было поддержано. Данное положение Комитета финансов 10 июля 1887 г. было утверждено Александром III¹⁵⁴.

Политика Вышнеградского и действия Министерства финансов способствовали укреплению курса кредитного рубля. Вследствие хорошего урожая 1890 г. и значительного вывоза отечественных продуктов за границу курс рубля стал повышаться. Временами он доходил до 80 коп. за рубль. Однако подъем вексельного курса вскоре привел к серьезным последствиям в торговле и промышленности: цены на русские товары понизились сначала за границей, а затем и на внутреннем рынке. Финансовое ведомство отмечало: «Улучшение курса удешевляло цены иностранных товаров на русских рынках и облегчало оплату этих товаров таможенными пошлинами, взимаемыми золотом»¹⁵⁵. Министерство финансов делало вывод о «необходимости ограждения нашей промышленности от низких цен, вызванных высотой курса» кредитного рубля.

В апреле 1891 г. Вышнеградский во всеподданнейшем докладе, опасаясь, что дальнейшее «повышение вексельного курса грозит нанесением ущерба благосостоянию нашего отечества», предлагал установить предел золотого содержания рубля на уровне 62,5 коп. Министр финансов, готовивший введение золотое денежное обращение в России, настаивал немедленно приступить к приобретению золота и продаже кредитных билетов. Доклад был одобрен Александром III. 28 июля 1892 г. был издан указ, дающий министру финансов право производить временные выпуски бумажных денег. Это был обыкновенный и самый верный способ сдерживать повышение рубля. В результате искусственных мер регулирования среднегодовой курс кредитного рубля в 1891 г. составлял 66,8 коп., а в 1892 г. — 62,0 коп.¹⁵⁶

Эти правительственные меры в значительной степени затрагивали интересы банкирских учреждений и вполне могли вызвать у них серьезные финансовые проблемы. Из газетных публикаций следовало, что банкирский дом «И.Е. Гинцбург», в особенности его парижский филиал, «не мог выдержать крупных курсовых потерь последнего времени». Банкирский дом играл на курсе кредитного

рубля — и играл не на его повышение, а на понижение. Однако курс рубля поправился; цена золота пошла вниз, и Гинцбург понес огромные потери.

Владельцы банковского дома «И.Е. Гинцбург» до последнего дня надеялись, что им будет оказана государственная поддержка. Еще 28 февраля 1892 г., за три дня до закрытия, фирма выдала чеки по специальному счету на один из столичных банков на 200 тыс. руб., которые этим банком не были уплачены. Из них 100 тыс. руб. были предъявлены Торгово-Промышленным банком.

Утром во вторник 3 марта 1892 г. с быстротой молнии по Петербургу разнесся слух о несостоятельности банковского дома «И.Е. Гинцбург». Опасаясь за репутацию фирмы, Г.Е. Гинцбург через управляющего А.И. Грубе официально объявил на Петербургской бирже о приостановке платежей банковского дома и о переходе его в ликвидацию. Известие было крайне неожиданным и вызвало переполох среди делового мира. Многие до приезда на биржу ничего еще не знали о случившемся и были ошеломлены этой новостью. Большая часть биржевых операций была отложена до окончательного выяснения произошедшего события. На бирже все говорили только о случившейся катастрофе. Возникшая растерянность среди биржевиков была вызвана положением банковского дома «И.Е. Гинцбург» в экономике страны. Со времени открытия в 1859 г. он принимал самое деятельное участие в учреждении многочисленных коммерческих и поземельных банков, торговых, промышленных обществ, пароходных товариществ и пр. Владельцы фирмы заседали в правлениях крупных российских предприятий. Векселя дома «И.Е. Гинцбург» считались первоклассными и учитывались ниже официального банковского дисконта, его операции по трассировке иностранных векселей составляли десятки миллионов рублей. Со времени ликвидации фирмы «Штиглиц и К^о» в России не было банковского дома, который имел такое значение как «И.Е. Гинцбург»¹⁵⁷.

Столичный градоначальник генерал-лейтенант П.А. Грессер опасаясь возможных волнений вкладчиков, доверивших свои сбережения банковскому дому «Е.И. Гинцбург», по опыту прежних банковских потрясений, распорядился послать усиленный наряд полиции на Конногвардейский бульвар для охраны банка. Однако к его удивлению возле закрывшейся конторы оставалось все спокойно; ни один вкладчик, ни один владелец депо ценных бумаг не спешил получить свое имущество. Более того, 4 марта банковская контора «И.Е. Гинцбург» совершенно свободно выдавала вклады и депозиты¹⁵⁸.

Биржевое собрание весь день 3 марта находилось под влиянием известия о приостановке деятельности банковского дома

«И.Е. Гинцбург». Все ценные бумаги банковских учреждений, и особенно тех, которые, по мнению биржевиков, имели тесные связи с банкротом, были предметом крупных предложений и понизились в цене. Заявления директоров некоторых столичных банков о сравнительно незначительных потерях, угрожавших им в результате закрытия фирмы «И.Е. Гинцбург», подействовали успокоительно, чему немало содействовало сообщение о том, что все ценности, переданные на хранение банкирскому дому, находятся в полной сохранности.

Приостановка платежей банкирским домом «И.Е. Гинцбург» сказала на состоянии российского вексельного курса. Хотя при большом числе курсовых срочных сделок, заключенных фирмой в Петербурге и Берлине, невозможно было определить, преобладает ли в ее обязательствах спекуляция на повышение курса рублей, купленных на срок, или же на понижение.

Известия из Петербурга о прекращении платежей банкирского дома «И.Е. Гинцбург» отразились на европейских биржах, особенно Парижской и Берлинской. В Париже сообщение было настолько неожиданным, что многие отказывались верить ему. Первые телеграммы из Петербурга были настолько краткими и неопределенными, что никто не мог понять размеров произошедшего. Парижское отделение банкирского дома «И.Е. Гинцбург» продолжало платить по чекам до 10 часов утра 4 марта, но само никаких сумм не принимало. Затем по совету Парижского Коммерческого суда оно прекратило платежи, хотя, по слухам, кассовая наличность позволяла производить платежи еще в течение нескольких дней¹⁵⁹.

Новость о несостоятельности вызвала повышение вексельного курса на Лондон с 99 до 99,75 руб. за 10 ф. ст., но слабое настроение продолжалось недолго. В Берлине биржевики, играющие на повышения курса кредитного рубля, продолжали покупку рублей в больших размерах, как на берлинском, так и российском рынках. Берлинская биржа при своем открытии была уже осведомлена о произошедшем «петербургском событии», как осторожно выражались корреспонденты в первых телеграммах из Петербурга. В Берлине в тот же день были произведены покрытия по сделанным за счет «И.Е. Гинцбург» запродажам. В немецких банках сводили счета по отдельным делам с приостановившей платежи фирмой «И.Е. Гинцбург» и старались навести точные справки — уплачены ли в Париже ее срочные векселя в субботу и понедельник. Это остановило дальнейшее понижение российской валюты. Курс векселей на Лондон опять понизился до 98,90 руб. Однако к концу недели вновь произошло изменение с иностранными векселями, и

курс на Лондон повысился сначала до 99,15 руб., а потом до 99,25 и 99,30 руб. За германские марки платили 48,70 руб. за 100 р. м. и за франки — 39,50 руб. за 100 фр.¹⁶⁰

На спекулятивном рынке несостоятельность фирмы «И.Е. Гинцбург» имела весьма серьезные последствия. Бумаги коммерческих банков, которых подозревали в связи с ней, значительно понизились. Акции Русского для внешней торговли банка, котировавшиеся накануне по 267—268 руб. и находившие по этой цене покупателей, во вторник упали до 258 руб. Акции Международного банка с 455 руб. понизились до 444 руб., акции Учетного и ссудного банка — с 545 до 530 руб., Волжско-Камского банка — с 728 до 722 руб., Частного банка — с 292 до 285 руб.¹⁶¹

В первые дни распространялись всевозможные слухи о банкротстве Гинцбургов. Говорили, что скандал с крахом придуман с «задней мыслью», что «несостоятельности вовсе нет, но есть желание добиться льгот евреям». Гинцбург, полагали, был уверен, что будут приняты правительственные меры дабы «потушить дело» и будут даны новые уступки для евреев. В Петербурге еще до краха ходили «какие-то темные слухи о негодовании, возбужденном в еврейском короле (Г.Е. Гинцбурге. — П.Л.) крутыми мерами против нарушения “черты еврейской оседлости”, и об его желании “порвать всякие связи с Россией”»¹⁶². При этом даже недоброжелатели, вроде ярого антисемита А.П. Пятковского, признавали, что Гинцбурга нельзя признать «злостным банкротом... его, может быть, следовало причислить к банкротам неосторожным»¹⁶³.

Не менее оживленно обсуждали, кто является таинственной вкладчицей банкирского дома «И.Е. Гинцбург», имя которой не называлось. Молва утверждала, что эта неизвестная особа — великая княгиня Мария Павловна, жена великого князя Владимира Александровича¹⁶⁴. Однако неизвестной вкладчицей, как вскоре выяснилось, была жена покойного брата Г.Е. Гинцбурга Зискинда — баронесса Розалия Исааковна, урожденная Эттингер (1829—1897).

В течение целой недели все петербургские издания, а вслед за ними и провинциальные газеты перепечатывали известия о положении дел фирмы «И.Е. Гинцбург» из «Биржевых ведомостей» и сообщали разные сведения, которые позже оказались «утками, начиненными чесноком и ложью»¹⁶⁵. Особо усердствовали журналисты В.В. Комаров и П.В. Монтевердере. Публицист М. Цион пересказывал старые слухи, не имеющие никаких отношения к несостоятельности Г.Е. Гинцбурга. Якобы тот был давно влюблен в жену своего друга М.М. Стасюлевича Любовь Исааковну (дочь миллионера И.О. Утина), и «что более уродливую женщину трудно найти»¹⁶⁶.

Немало публикаций о приостановке платежей «И.Е. Гинцбург» появилось в европейской прессе. Так газета «*Berliner Börsen-Courier*» писала: «...несостоятельность фирмы “И.Е. Гинцбург”, считавшейся первоклассной в Петербурге, состояние которой оценивали в 10 млн руб., нужно поставить наряду с самыми крупными катастрофами, имевшими место в банковских сферах в течение многих лет». Тогда всем еще были свежи воспоминания о крахе в конце 1890 г. всемирно известного лондонского банкирского дома «*Brothers Baring & Co.*»¹⁶⁷.

Согласно объявленному банкирским домом «И.Е. Гинцбург» предварительного баланса, актив его исчислялся в 8,75 млн руб., но состоял исключительно из трудно реализуемого имущества: золотых приисков на Урале и Сибири, Сергиево-Уфалейских горных заводов, водопроводов в Астрахани, домов в Петербурге и Москве, земельной собственности в Таврической губернии и Бессарабском крае. Пассив по заявлению владельцев фирмы составлял 5,5 млн руб. (по расчетам кредиторов — от 6,75 до 7 млн руб.).

Основными кредиторами дома «И.Е. Гинцбург» являлись заграничные банки, в основном в Берлине и Париже, с которыми тот вел арбитражные вексельные операции. Петербургские банкирские учреждения большей частью имели специальные покрытия и непокрытое их участие составляло по осторожным подсчетам от 300 до 400 тыс. руб. Русский для внешней торговли банк определял размер возможных потерь в 100 тыс. руб., Учетный и ссудный банк — 400 тыс. руб.

Составление окончательного баланса заняло неделю, причиной задержки было отсутствие отчетных цифр от парижского отделения банкирского дома. 10 марта, вечером в Петербурге состоялось собрание главных кредиторов банкирского дома «И.Е. Гинцбурга», на котором главой фирмы был наконец-то представлен ее точный баланс или состояние счетов к 1 марта 1892 г.

Число присутствовавших кредиторов составляло около 40 человек. Собрание единодушно постановило учредить администрацию для постепенной ликвидации дел фирмы. К этому решению единогласно присоединились все кредиторы парижского отделения банкирского дома «И.Е. Гинцбург». Единодушные кредиторы явление редкое при подобных катастрофах, объяснялось доверием, которым продолжала пользоваться фирма и после постигшего ее несчастья¹⁶⁸.

Баланс представлял актив в размере 13930078 руб., состоящий из кассовой наличности и на текущих счетах в 236236 руб., портфеля векселей на 150386 руб., разных процентных бумаг на 6180285 руб., городского недвижимого имущества, оцененного в 771728 руб., вы-

данных ссуд под процентные бумаги на 84597 руб., закладных на сахарный завод «Заволжский» на 200971 руб. и различных должников на 6305872 руб. По заявлению представителей банкирского дома все суммы актива приняты по минимальной оценке, чтобы объявить администрацию, которая не назначалась, если актив в балансе превышал сумму пассива.

Общая сумма пассива исчислялась в размере 14133815 руб., из которых 7235866 руб. составляли долги кредиторам (различным учреждениям и частным лицам), 434589 руб. — счета акцептованных тратт и переводов (векселей), 1182705 руб. — сомнительные векселя, 4080655 руб. — заложенные процентные бумаги. Предполагаемая потеря по балансу парижского отделения фирмы оценивалась в 1 млн руб. и сомнительные кредиты — в 200 тыс. руб. Дефицит составлял 203737 руб.¹⁶⁹Общее собрание кредиторов постановило ходатайствовать о назначении администрации по делам банкирского дома «И.Е. Гинцбург».

Среди главных кредиторов банкирского дома «И.Е. Гинцбург», как окончательно выяснилось, были Бессарабско-Таврический банк (Одесса) на сумму 705,5 тыс. руб., Нижегородско-Самарский земельный банк (Москва) — 666 тыс. руб., Русский для внешней торговли банк — 474 тыс. руб., Англо-Австрийский банк (Лондон) — 372 тыс. руб., графы А.В. и С.В. Орловы-Давыдовы — 372 тыс. руб., В.Н. Хмелинский (Псков) — 315 тыс. руб., «Роберт Варшауер и К^о» (Берлин) — 270 тыс. руб., «Русский и Французский банк» (Париж) — 240 тыс. руб., «I. HenriSchreder&C^o» (Лондон) — 207,7 тыс. руб., «M.M. Warburg&C^o» (Гамбург) — 190 тыс. руб., Рижский биржевой банк — 181 тыс. руб., NationalBankfürDeutsche (Берлин) — 176 тыс. руб., «M. Эфрусси и К^о» (Париж) — 174 тыс. руб., «Ф.К. Краузе и К^о» (Берлин) — 152 тыс. руб., «Э. Госкье и К^о» (Париж) — 138 тыс. руб., Киевский земельный банк — 114,5 тыс. руб., Немецкий банк в Берлине (лондонское агентство) — 110,8 тыс. руб., «Яков Грибанов с сыновьями» — 100 тыс. руб., «WilliamBrandt'sSons&C^o» — 98 тыс. руб., BerlinerHandels-Gessellschaft (Берлин), ComtedeTalleyrand-Perigord (Париж) — 67 тыс. руб., Dormeilfreres (Париж) — 65 тыс. руб., Харьковский земельный банк — 62 тыс. руб., И.Д. Эрлих (Николаев) — 53 тыс. руб., Роберт Борхардт (Берлин) — 51 тыс. руб. и еще около 40 разных фирм и лиц, претензии которых не превышали по отдельности 50 тыс. руб.¹⁷⁰

Однако представленный баланс вызвал серьезные сомнения. Прежде всего, в активе банкирского дома «И.Е. Гинцбург» в рубрике векселей была показана сумма 150386 руб., а в пассиве показана более значительная сумма векселей 1182705 руб., оплата которых

была маловероятна. Между тем счет вексельных операций дома, по разным оценкам, составлял от 6 до 10 млн руб. Баланс не показывал какова доля риска фирмы по переучтенным в столичных банках российским векселям в сумме около 7 млн руб. и сколько она понесет убытка по курсовым операциям.

Вексельный раздел был не единственной сомнительной частью в балансе, составленном банкирским домом. Еще более вопросов вызывал раздел, относящийся к счету дебиторов. В активе этот счет был показан в размере 6305882 руб. Но из приложенных к балансу документов следовало, что в числе дебиторов фирмы почти на половину указанной суммы фигурировали члены семьи: Соломон Гинцбург — 75 тыс. руб., Гораций Гинцбург — 1372 тыс. руб., Урий Гинцбург — 2818 тыс. руб. и др. Но из счета последнего было списано 1700 тыс. руб. как невозвратная потеря, так что за ним осталось признанного фирмой благонадежного долга на 1118 тыс. руб. Всего, таким образом, банкирский дом считал за семьей Гинцбургов более 2600 тыс. руб. из 6306 тыс. руб., значившихся в активе за должниками фирмы. Но если банкирский дом «И.Е. Гинцбург» оказался несостоятельным, то чем обеспечивалась состоятельность перечисленных членов семьи Гинцбургов для уплаты весьма крупной суммы на покрытие претензий кредиторов долга, было непонятно. Это не могло не вызывать беспокойства кредиторов. Даже стали возникать подозрения, а действительно ли банкирский дом «И.Е. Гинцбург» сделался несостоятельным без всякой вины со своей стороны. Появились предположения, что дела фирмы пошатнулись не со вчерашнего дня. Также вызывало непонимание указанная в балансе сумма в 1 млн руб. в качестве потери парижским отделением фирмы «И.Е. Гинцбург»¹⁷¹.

Но самым необъяснимым было, почему банкирский дом, ворочающий десятками миллионов рублей, считавшийся одним из самых надежных и солидных банков Европы, прекратил свои платежи. Было непонятно, почему фирма, имевшая обширные деловые и родственные связи, не воспользовалась ими. Невозможно поверить, что не нашлось никого, кто смог бы оказать помощь в размере 203737 руб. фирме, векселя которой считались первоклассными (prima) и бланку которой все банкиры верили на миллионы. Удивительно, что из-за такого незначительного убытка, который был показан в балансе, банкирский дом «И.Е. Гинцбург» прекратил свое существование. Предполагали, что цифра убытка парижского филиала была значительно занижена.

После публикации баланса фирмы «И.Е. Гинцбург», который давал основание рассчитывать на благоприятный исход ликвидации,

курсы банковских бумаг на Петербургской бирже снова поправились. Акции Русского для внешней торговли банка с 258 поднялись до 265 руб., Учетного и ссудного банка с 530 — до 535 руб., Международного банка с 444 — до 452 руб. и Волжско-Камского банка с 722 — до 728 руб., фактически до отметок накануне банкротства дома «И.Е. Гинцбург».

В полной сохранности оказались все частные вклады (депозиты), доверенные банкирскому дому «И.Е. Гинцбург» на сумму 30 млн руб. Они находились в тех же пакетах, в которых были сданы на хранение. В банкирском доме, в основном, хранились капиталы ограниченного числа частных лиц, главным образом представителей петербургской аристократии¹⁷². Особым доверием он пользовался в придворных кругах. Вклады, хранившиеся в банкирском доме, после объявления о приостановке платежей сразу выдавались хозяевам. Несостоятельность банка вообще не задела «широкую публику». «И.Е. Гинцбург» не стремился привлечь денежные средства средних и мелких вкладчиков. Фирма никогда не рекламировала себя, не давала объявлений в прессе. При этом известность банкирского дома была широко распространена в обществе. Его репутация солидного банкирского заведения ранее не подвергалась сомнению. Незыблемость его финансового положения никогда особо не обсуждалась. Репутация казалась абсолютно безупречной: аферами банкирский дом не занимался, дутых ценностей не рекламировал, выигрышных билетов «в рассрочку» не продавал. И до последнего момента никому в голову не приходило, что старинный банкирский дом может обанкротиться.

Причин несостоятельности банкирской фирмы «И.Е. Гинцбург» было много. По утверждению газеты «*Berliner Börsen-Courier*», Гораций Гинцбург много времени уделял занятиям наукой и благотворительностью. К тому же, барон подолгу жил в Париже, предоставив всецело ведение дел банкирского дома А.И. Грубе, который почти без его участия руководил петербургской конторой. Грубе уже вводил раньше фирму в неимоверно большие спекулятивные обязательства не только с русскими фондами, но и ценными бумагами, котировавшимися на европейских биржах. С ним были связаны неудачные операции по трассировочному и вексельному отделам, приведшие фирму к значительным потерям. В Петербурге уже давно вызвали удивление крупные трассировки банкирского дома «И.Е. Гинцбург» на родственную фирму «М.М. Варбург и К^о» в Гамбурге.

По слухам, приводимым в газете «*Berliner Börsen-Courier*», филиальное отделение «И.Е. Гинцбург» в Париже особенно в послед-

ние годы пустилось в крупную биржевую игру, преимущественно на заграничных рынках. По мнению газеты, несмотря на все старания фирмы, ей так и не удалось добиться прочного положения в высоких финансовых сферах Парижа. Среди причин, приведших к прекращению платежей, было то, что большую часть своих капиталов фирма вложила в недвижимое имущество. Таким образом, полагала газета, причины краха сводились, с одной стороны, к широкой спекулятивной деятельности фирмы, а с другой — к кризису, охватившему Россию вследствие сильных неурожаев 1891 и 1892 гг.¹⁷³

Другая немецкая газета «*Berliner-Zeitung*» сообщала, что банкирский дом «И.Е. Гинцбург» заключил на Берлинской бирже огромные обязательства с кредитными рублями, размер которых трудно определить, т.к. они большей частью были основаны на премиях и стеллажах¹⁷⁴. Когда наступил срок покрытия, курс рубля изменился не в пользу банка.

Почти все европейские газеты одной из главных причин приостановки платежей называли неудачную деятельность парижского отделения. Оно понесло большие убытки на акциях африканских золотых приисков и акциях «Русского и Французского банка», членами правления которого состояли Гораций и Соломон Гинцбурги. Парижское отделение приобрело 3600 акций «Русского и Французского банка». Номинальная стоимость акций составляла 500 фр. Однако их биржевая цена была значительно ниже. Еще до объявления несостоятельности филиальное отделение приступило к масштабной реализации этих акций, вызвав падение их курса с 300—290 до 275 фр. Причины падения цены на акции не могли установить пока не прояснилась ситуация с домом «И.Е. Гинцбург». 4 марта в Париже состоялось общее собрание «Русского и Французского банка». По заявлению его председателя общая сумма требований банка к фирме «И.Е. Гинцбург» приблизительно составляла 600 тыс. фр.¹⁷⁵ Кроме того, парижское отделение приняло участие в невыгодной ссудной операции с аргентинской провинцией Санта-Фэ, заключенной «Русским и Французским банком» с Обществом поземельного кредита этой провинции. По утверждению французской прессы это «совершенно нереализуемое участие» обошлось парижскому отделению «И.Е. Гинцбург» почти в 10 млн фр.¹⁷⁶

По утверждению редактора-издателя журнала «Наблюдатель» А.П. Пятковского, «немалое воспособление банкротству “дома” оказал и сынок маститого банкира, Урий Гинцбург». Пятковский полагал, что «сей достопочтенный отпрыск банкирского рода повел в Париже такую жизнь и пустился в такие рискованные операции, что задолжал банку — ни много, ни мало — около трех миллионов ру-

блей, из которых одна половина прямо списана в убыток, а другая... признана благонадежною к уплате...»¹⁷⁷.

По словам одного из служащих банкирского дома, еще в юности Урий Гинцбург был «предобрый, но не серьезный молодой человек». Он недолгое время проучился в Гогенгеймской сельскохозяйственной академии и захотел устроить по немецкому образцу большое (около 5000 дес. земли) имение Гинцбургов в Могильне Подольской губернии, в котором находился сахарный завод. Урий Гинцбург выписывал из-за границы разные сельскохозяйственные орудия и инвентарь, которые не применялись по назначению и ржавели в сараях. Хозяйство же велось экономами самым примитивным образом¹⁷⁸.

И хотя в Европе Гинцбурги пользовались большим доверием, но неудачные коммерческие предприятия Урия Гинцбурга во второй половине 1870-х гг. послужили поводом к разным неблагоприятным слухам о нем. После провала устроенных им предприятий Урий удалился от дел в Дрезден, но и там его имущественное положение было поставлено под сильное сомнение, так что его личные векселя могли находить помещение только с потерей в 20%. Последние годы жизни Урий прожил в Париже, лишь изредка приезжая в Петербург.

По одной из широко распространенных версий кризис банкирского дома «И.Е. Гинцбург» был вызван его участием в размещении 3%-го золотого займа 1891 г., который остался не реализованным. Не желая обращаться к частным кредитным учреждениям, барон Г.Е. Гинцбург обратился за помощью к министру финансов И.А. Вышнеградскому, с просьбой предоставить кредит в размере 5 млн руб. из средств Государственного банка. Банкирский дом «И.Е. Гинцбург» уже дважды в 1875 и 1888 гг., когда находился в затруднительной ситуации¹⁷⁹, прибегал к помощи Государственного банка и получал значительные временные кредиты. Решение вопроса требовало всеподданнейшего доклада министра финансов. Несмотря на то, что такой кредит был сначала обещан, вопреки ожиданиям в последнюю минуту Вышнеградский изменил свое намерение и не поддержал ходатайство, а напротив дал отрицательный отзыв. В результате Гинцбург в кредите было отказано.

А.А. Половцов в своем дневнике со ссылкой на товарища министра финансов П.Н. Николаева записал, что Вышнеградский обещал помощь Гинцбургу если тот «восстановит хорошие отношения между ним, Вышнеградским, и Ротшильдом». Поскольку Гинцбург ответил, что это не в его силах, то министр финансов решил ему отказать¹⁸⁰.

По делам банкирского дома «И.Е. Гинцбург» была назначена администратия, в которую вошли И.В. Блесиг, Л.В. Гантовер, И.П. Да-

раганов, М.Н. Журавлев, К.Г. Подменер, Д.В. Стасов, Г.Т. Терк и Н.И. Филипьев. Располагалась она в огромном доме Г.Е. Гинцбурга на Конногвардейском бульваре. Уже на 13 декабря 1892 г. администрация назначила выдачу первого дивиденда в размере 20%, признанных претензией¹⁸¹. В короткое время администрация полностью удовлетворила требования всех кредиторов не только капитальным долгом, но и процентами за время просрочки¹⁸².

В начале 1896 г. администрация в отношении банкирского дома «И.Е. Гинцбург» была прекращена. Его владельцы получили удостоверение, что «за удовлетворением всех кредиторов, администрация, учрежденная по делам баронов Горация и Соломона Евзелевичей Гинцбург и потомственного почетного гражданина Адольфа Ивановича Грубе, торговавших под фирмою “И.Е. Гинцбург”, прекратила свои действия, о чем донесено Петербургскому Коммерческому суду и в надлежащем порядке опубликовано»¹⁸³. Однако банкирский дом в прежнем виде не стал возобновлять свои операции.

Еще в апреле 1893 г. братья Гораций и Соломон Гинцбурги договорились после прекращения администрации ликвидировать семейный банкирский и торговый дом. Соломон Гинцбург отказывался за себя и своих правопреемников от права пользоваться фирмой «И.Е. Гинцбург» и предоставил это право старшему брату и его наследникам. Все имущество дома, «значащееся в активах баланса администрации за 1892 г., сколько таковых к тому времени окажется, будут составлять собственность барона Горация Евзелевича, который затем принимает на себя одного платежа всех долгов по товариществу «И.Е. Гинцбург», какие по закрытии администрации останутся непогашенными». Г.Е. Гинцбург обязался выплатить брату несколькими частями 340 тыс. руб.¹⁸⁴

В общем нераздельном владении Гинцбургов оставались огромные недвижимые имения в Симферопольском, Перекопском, Евпаторийском и Днепровском уездах, в Бессарабской губернии Оргеевского уезда имение Бологан-Иванос и в той же губернии Бенедерского уезда имение Дженена-Абад, доставшиеся братьям от отца.

С 1897 г., после окончания администрации Гораций Гинцбург возобновил коммерческие дела под прежним названием торговый и банкирский дом «И.Е. Гинцбург». При этом размеры операций фирмы в значительной степени сократились и свелись к ведению текущих дел в различных предприятиях с ее участием.

После ликвидации совместного банкирского дома Соломон Гинцбург пробовал самостоятельно вести бизнес во Франции, но не удачно. 1 (15) сентября 1905 г. в 6.47 утра в своей парижской

квартире на улице Альма (rudel'Alma), 21 он покончил с собой выстрелом из револьвера. Пуля попала в сердце, смерть последовала моментально. Это самоубийство вызвало сенсацию в парижском финансовом мире, и объяснялось крупными денежными потерями, которые покойный понес накануне самоубийства¹⁸⁵.

Ко времени окончания администрации по делам банкирского дома «И.Е. Гинцбург» Ленское золотопромышленное общество стало давать значительную прибыль, и материальное положение семьи Гинцбург в значительной степени было восстановлено. Однако в апреле 1912 г. на Ленских приисках произошла известная забастовка рабочих, перешедшая в открытое столкновение с войсками и закончившаяся расстрелом забастовщиков. Было убито 107 и ранено 80 человек¹⁸⁶.

После «ленской трагедии» Гинцбурги вместе с другими членами правления вышли из состава Ленского акционерного общества и ограничились своим участием и в других золотопромышленных предприятиях. Однако к этому времени барона Г.Е. Гинцбурга уже не было в живых. Он скончался 17 февраля (2 марта) 1909 г. в 1.40 ночи на 76 году жизни. Барон Гинцбург болел раком желудка, диагностированным у него еще в 1901 г. В начале 1909 г. ему сделали операцию, но состояние здоровья стало ухудшаться. Последние месяцы жизни он был прикован к постели и провел в страшных мучениях. Весь день перед смертью барон находился в агонии, не теряя, однако, сознания, но лишившись речи¹⁸⁷.

Вечером 17 февраля в 20.30 была отслужена первая панихида по барону Гинцбургу. До назначенного времени на квартиру покойного стали собираться друзья, представители власти и всех существовавших в Петербурге еврейских организаций. Присутствовали С.Ю. Витте, бывшие члены 1-й Государственной думы М.М. Винавер, М.И. Шефтель и Л.М. Брансон, Г.Б. Слизберг, доктор Л.А. Каценельсон, И.Я. Гинцбург, А.П. Философова, С.Д. Дубнов, директор консерватории А.К. Глазунов, Д.К. Джигоргули, Б.А. Каминка, Д.В. Стасов, М.М. Стасюлевич, М.И. Кулишер, М.И. Вавельберг, М.А. Варшавский и др. 18 февраля в 14.00 была отслужена была вторая панихида у гроба барона Гинцбурга.

Отпевание барона Гинцбурга состоялось 22 февраля в воскресенье в Петербургской хоральной синагоге. Перед выносом тела в квартиру покойного в 11.00 кантором И.Г. Ресселем была совершена краткая молитва при пении хора синагоги. Огромная квартира не могла вместить всех, пришедших почтить память усопшего. Весь Конногвардейский бульвар, прилегающие к дому улицы, и весь путь к синагоге представлял море людей, едва сдерживаемых усилен-

ным нарядом полиции. В 12.00 катафалк с телом барона прибыл к заполненной народом синагоге, куда внесли гроб. Это было отступлением от еврейского похоронного ритуала и делалось в исключительных случаях. Внутрь пропускали только по особым билетам. На похоронах присутствовали многие видные представители административного и военного мира. Заупокойное богослужение в синагоге совершил Рессель с хором под звуки органа. Из синагоги гроб в сопровождении многотысячной процессии был доставлен в 16.00 к Варшавскому вокзалу и помещен в траурный вагон. В 20.00 вагон с телом барона был прикреплен к скорому поезду и отправлен во Францию. Тем же поездом на погребение в Париж отправилась вся семья покойного и еврейские депутации из разных городов. Похоронные расходы составили 20 тыс. руб.¹⁸⁸

Один из сыновей Г.Е. Гинцбурга — Александр, по его словам, однажды имел возможность беседовать с принцессой Викторией Баттенбергской, старшей сестрой российской императрицы Александры Федоровны. Когда речь зашла о покойном бароне Гинцбурге, принцесса сообщила, что его смерть произвела большое впечатление при царском дворе, а Николай II по этому поводу сказал: «Вот человек, о котором никогда ничего дурного никто не говорил»¹⁸⁹. Впрочем, этот рассказ можно отнести к семейным преданиям.

По духовному завещанию Горация Гинцбурга, составленному еще 8 апреля 1883 г., он был похоронен в фамильном склепе на монпарнаском кладбище в Париже, рядом с прахом отца, матери, братьев, жены и сына Марка¹⁹⁰. Он просил вскрыть завещание, как русского подданного либо в Петербурге, либо в Российском генеральном консульстве в Париже, если там будет находиться большинство его наследников, но не ранее исполнения религиозного обряда «Шива» (семи дней скорби по усопшему).

В завещании барон Гинцбург своим детям писал: «Покойный дед Ваш с 1848 года постоянно поддерживал и защищал все касающееся улучшения положения евреев в России, в чем и я старался быть его ревностным последователем, а теперь прошу Вас: не оставлять этого предмета в забвении; все благотворительные учреждения и дела, носящие имя Вашего деда или покойной Вашей матери никогда не покидать, а напротив поддерживать по мере сил и возможности и стараться привести в действительное исполнение все... предначертания Вашего деда, которые останутся после меня еще не оконченными». Отец советовал наследникам во всех своих «предприятиях по возможности как можно дольше держаться вместе, сосредоточивать все дела в Петербурге, кроме, конечно, случая *forçesajeure*»¹⁹¹. Из общей от всех дел чистой прибыли, какая за покрытием расходов,

отчислениями в запасной капитал и за выдачей тантиемов окажется, он просил не вынимать из дела в свою долю прибыли, а лишь часть ее, какая кому потребуется, чтобы не причинять затруднений и расстройств в делах, а напротив содействовать их развитию и процветанию. В случае возникновения каких-либо недоразумений и неудовольствий при толковании и исполнении завещания Гинцбург просил, не вдаваясь «в неприятные друг другу состязания и не обращаясь к суду, предоставить спорные вопросы разбирательству и разрешению своих друзей: Е.И. Ламанского, М.М. Стасюлевича и П.Н. Николаева, а также выслушать разъяснения заведующих центральной бухгалтерией и других отделов торгового дома»¹⁹².

Согласно последнему завещанию Г.Е. Гинцбурга, составленному в 1904 г., все его имущество в России и за границей, за исключением родового недвижимого имущества, наличные деньги, банковские билеты, разные фонды, акции, облигации, паи, страховые полисы, процентные и другие ценные бумаги, счета, векселя, тратты, разного рода долговые документы, а также участие в различных предприятиях в равных частях достались его детям: Габриэлю-Якову, Давиду, Александру-Моисею, Альфреду-Аврааму, Дмитрию-Исааку, Петру-Бениамину и Владимиру-Григорию-Вольфу Горацевичам, Луизе, по мужу Сасун, Матильде, по мужу фон Гутман и Анне, по мужу Ашкенази¹⁹³.

Сыновья Горация Гинцбурга входили в число совладельцев, директоров и членов правлений ряда предприятий, в которых участвовали в качестве учредителей или вкладчиков их дед и отец. Однако их влияние на дела не было определяющим.

Старший Габриэль-Яков Гинцбург (1855—1926) получил образование и звание бакалавра наук в Парижском университете. С 1885 г. он находился на Дальнем Востоке, что, вероятно, было связано с золотопромышленными интересами банкирского дома «И.Е. Гинцбург» в Восточной Сибири. Более 15 лет он прожил в Китае, где выполнял поручения Министерства иностранных дел, состоя в распоряжении военного агента и являясь членом совета временного правительства Тянь-Цзине. 2 декабря 1905 г. он был причислен к Министерству финансов¹⁹⁴. В 1896 г. за особые заслуги по представлению Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского, при котором состоял, он был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. Во время Русско-Китайской войны (1900—1901) Габриэль Гинцбург находился при главнокомандующем русской армии адмирале Е.И. Алексееве. «В воздаяние» за службу в 1902 г. указом Николая II был пожалован орденом Св. Анны 2-й степени. В 1906 г. был награжден медалью Красного креста «в память участия в деятель-

ности Общества во время Русско-Японской войны 1904—1905 гг.»¹⁹⁵. Довольно тесно Г.Г. Гинцбург был связан с А.М. Безобразовым. После возвращения с Дальнего Востока Габриэль получил должность директора правления Компании цепного пароходства по р. Шексне, был членом Товарищества Чонгарских соляных промыслов. В 1914 г. за особые заслуги по приюту принца Петра Ольденбургского» получил чин статского советника¹⁹⁶. Впрочем, о его деятельности известно мало¹⁹⁷.

Второй сын Давид Горадиевич Гинцбург (1858—1910) был известным востоковедом, гебраистом, арабистом, писателем и общественным деятелем. После окончания кандидатом Петербургского университета он состоял на службе по Министерствам иностранных дел и Народного просвещения, в последнем был членом Ученого комитета, имел чин статского советника. Давид Гинцбург был председательствующим петербургской еврейской общины, состоял членом комитетов ОПЕ и Общества распространения земледельческого труда среди русских евреев, председателем Центрального комитета Еврейского колонизационного общества, учредителем Общества востоковедения и др. Кроме того, он являлся председателем Волжско-Каспийского нефтяного и торгового общества, членом правления Товарищества Сергино-Уфалейских горных заводов, одним из директоров правления Товарищества Могилянского свеклосахарного завода и Товарищества Чонгарских соляных промыслов.

Сын Г.Е. Гинцбурга Марк (1859—1878), подающий надежды молодой художник, учился с 1874 по 1878 г. в Париже под руководством профессора А.П. Боголюбова. В 1878 г. получил от Академии художеств малую серебряную поощрительную медаль за картины «Грациелла» и «Патриций». Участвовал с этими картинами на Всемирной выставке в Париже в 1778 г. и во Всероссийской выставке в Москве в 1882 г.¹⁹⁸ Умер в 19-летнем возрасте, еще при жизни отца.

Александр-Моисей Гинцбург (1863—1948), корнет запаса, был произведен из вольноопределяющихся в офицеры 17-го Драгунского Вольнского его императорского величества князя Константина Николаевича полка в 1884 г. По чину получил личное дворянство. Выйдя в 1885 г. в отставку он состоял при отце. После его смерти Александр возглавил фирму «И.Е. Гинцбург» и продолжил торговые и банкирские дела «под наблюдением» братьев Давида и Альфреда и душеприказчика отца присяжного поверенного М.И. Шефтеля¹⁹⁹. На фирменных бланках подпись А.Г. Гинцбурга стояла под печатью «Продолжающий дела И.Е. Гинцбурга». Он был одним из совладельцев и директоров Товарищества Могилянского свеклосахарного завода, Ленского золотопромышленного товарищества,

Верхне-Амурской золотопромышленной компании, Березовского золотопромышленного товарищества, акционерного общества «Платина», Компании цепного пароходства по р. Шексне, председателем правления нефтепромышленного и торгового акционерного общества «Петроль», директором правления Товарищества Чонгарских соляных промыслов.

Авраам-Альфред Гинцбург (1865–1936) после окончания 2-й Петербургской классической гимназии в 1883 г. вольнослушателем поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Окончив один курс, в 1885 на правах вольноопределяющегося он вступил рядовым в военную службу. Как выдержавший экзамен на офицерское звание Авраам-Альфред в январе 1887 г. был произведен в корнеты того же полка что и его брат Александр. Альфред Гинцбург был последним евреем, которого с высочайшего разрешения допустили к сдаче офицерского экзамена. В сентябре 1888 г. он был зачислен в запас армейской кавалерии²⁰⁰. Обучался в Высшей горной школе в Париже и в Америке, где получил образование горного инженера. С 1892 по 1895 г. он состоял на службе сначала инженером, а затем управляющим Ленского золотопромышленного товарищества. Кроме того, он был членом правления Общества гигиенических дешевых квартир для еврейского населения, входил в администрацию по делам общества Сергинско-Уфалейских горных заводов. Во время Первой мировой войны Авраам-Альфред находился в действующей армии, после революции уехал во Францию.

Исаак-Дмитрий Гинцбург (1870–1916?) после окончания курса Петербургского университета состоял при отце, как и брат Петр-Вениамин Гинцбург (1872–1948). Дмитрий в годы Первой мировой войны погиб на Кавказе. Петр жил во Франции и управлял делами своего тестя Эмиля Дейтша де ля Мерта.

Георг-Владимир Гинцбург (1873–1932), учился во 2-й Петербургской гимназии, окончив ее в 1892 г., вольнослушателем поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, окончив его по 1-му разряду. После учебы Георг-Владимир состоял на службе при Министерстве финансов. Он был членом правления Акционерного общества Хамовнического пиво-медоваренного завода в Москве, Товарищества Махаринецкого и Красносельковского свеклосахарных заводов. До революции 1917 г. жил с семьей в Киеве.

Особенно активную коммерческую деятельность во Франции вел племянник Горация Гинцбурга, официальный маклер Парижской биржи Габриэль-Яков (Жан) Зискиндович Гинцбург (1853–1929), бывший лейтенант русской армии, участник Русско-Турецкой войны

1877—1878 гг. Вместе с Германом Рафаловичем он был среди первых подписчиков на акции *Banquefranco-égyptienne* (Франко-Египетского банка). Благодаря Гинцбургу с января 1895 г. акции многочисленных южноафриканских шахт, торговавшиеся на Лондонской бирже, стали котироваться в кулиссе Парижской фондовой биржи. Он в 1895 г. совместно с другими учредителями был основателем *Banque française d'Afrique du Sud* (Французского банка Южной Африки), созданного для финансирования золотых рудников в Южной Африке, главным образом компании «Randfontein». Из нескольких золотых рудников в Южной Африке он с другими инвесторами и Французским банком Южной Африки создал крупную французскую компанию под названием «Cofradog». Гинцбург был одним из директоров банков *Créditmobilier* и *Banquefrançaisepourlecommerceetl'industrie* (Французского банка для торговли и промышленности). Гинцбург был близко связан с министром финансов Франции Морисом Рувье. Он принимал деятельное участие во франко-японских переговорах о заключении международного займа Японией в 1907 г.²⁰¹

С ликвидацией в 1892 г. семейной банкирской фирмы «И.Е. Гинцбург» в Петербурге и ее филиала в Париже в России закончилась эпоха универсальных банкирских и торговых домов, начало которой положил банкирский дом «Штиглиц и К^о» (1803—1860). После закрытия фирмы «И.Е. Гинцбург» в российской банковской сфере больше не возникало подобных значительных банкирских заведений. Их роль окончательно перешла к акционерным коммерческим банкам. Ни один из действовавших в конце XIX — начале XX в. крупных банкирских домов Петербурга («Генрих Блокк», «Г. Вавельберг», «Лампе и К^о», «Э.М. Мейер и К^о»), Москвы («Братья Рябушинские», «Братья Джамгаровы», «И.В. Юнкер и К^о»), Одессы («Федор Рафалович»), Киева («Я.Б. Эпштейн», «С. Френкель», «Л.В. Ашкенази»), Варшавы («В-м Ландау», «И.С. Блюх») не могли сравниться ни по размерам капиталов, ни по величине оборотов, ни по своему влиянию с фирмами «Штиглиц и К^о» и «И.Е. Гинцбург». Некоторые банкирские дома в 1911—1912 гг. были преобразованы в акционерные коммерческие банки: «Г. Вавельберг» в Петербургский Торговый банк (1911), «Братья Рябушинские» в Московский банк (1912), «И.В. Юнкер и К^о» в Московский Промышленный банк (1912). Еще несколько банкирских заведений в своем развитии шли в том же направлении. Этот процесс был приостановлен начавшейся Первой мировой войной, а затем окончательно прекращен после Октябрьской революции 1917 г.

Причин закрытия банкирского дома «И.Е. Гинцбург», как сказано выше, было несколько. Все они тесным образом были связаны

друг с другом или вытекали одна из другой. Их анализ дает основание утверждать, что первопричина расстройств дел была связана с вложением дома «И.Е. Гинцбург» значительной части активов в многочисленные торгово-промышленные предприятия и разного рода недвижимость. Колоссальные суммы инвестировались, в особенно капиталоемкие золотодобывающие предприятия, прибыль от которых могла быть получена в долгосрочной перспективе. Постоянная нехватка свободных средств, вынуждала владельцев фирмы участвовать в крупномасштабных биржевых спекуляциях на курсе кредитного рубля. Именно они, в конце концов, привели банкирский дом к огромным финансовым потерям и стали основанием для отказа министром финансов И.А. Вышнеградским в кредите ее владельцам. Существенную роль в кризисе банкирского дома «И.Е. Гинцбург» сыграло парижское отделение фирмы.

Библиография

- Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860—1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991.
- Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях облигациях) России. Руководство для помещения капиталов. СПб., 1871.
- Н.Н. Из впечатлений минувшего века. Воспоминания среднего человека // Еврейская старина. 1914. Т. 7. С. 234—246, 429—442.
- Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с позднимперской Россией. М., 2007.
- Оршанский И.Г. Евреи в России. Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1877.
- Пятковский А.П. Государство в государстве (К истории еврейского вопроса в России и в Западной Европе). СПб., 1901.
- Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. 3.
- Слиозберг Г.Б. Барон Г.О. Гинцбург, его жизнь и деятельность. К столетию его рождения. Париж, 1933.
- Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 1—2. Париж, 1933.

Примечания

¹ Berlin M.I. Ein Wort über die Familie Günzburg. SPb., 1858; Maggid D. Zur Geschichte und Genealogie der Günzburger. SPb., 1899; Rothenburg E.G., Friedberg B. Zur Genealogie der Familie Günzburg Frankfurt a. M., 1903; Слиозберг Г.Б. Барон Г.О. Гинцбург, его жизнь и деятельность. К столетию его рождения. Париж, 1933; Ginzburg S.M. Di famiiliye Baron Gintzburg; drey doros shtadlonos, tsedoken un haskoleh // Ginzburg S. Historishe verk. Bd. 2. N-Y., 1937. Z. 117—159; Клир Дж. К. Круг Гинцбургов и политика штатланута в императорской России // Вестник еврейского университета в Москве. М.; Иерусалим, 1995. № 3 (10). С. 38—55; Кельнер В.Е. Давид Магид и его генеалогия Гинцбургов // Там же. 1996. № 1(11). С. 160—169.

² Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860—1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 37—71. То же. 2-е изд. М., 2006. С. 67—98.

³ Грец Г. История евреев. От древнейших времен до настоящего. От изгнания евреев из Испании и Португалии до поселения маранов в Голландии. Т. 10. Одесса, 1908. С. 375.

⁴ В некоторых источниках его называют витебским раввином.

⁵ Письмо П.И. Сумарокова — Н.С. Мордвинову // Архив графов Мордвиновых. Т. 4. СПб., 1902. С. 247.

⁶ Слиозберг Г.Б. Барон Г.О. Гинцбург, его жизнь и деятельность. К столетию его рождения. С. 16—17.

⁷ Отечественные записки. 1854. Т. 95. №. 7. Отд. VI. С. 13; [Варадинов Н.] История Министества внутренних дел. СПб., 1862. Ч. III. Кн. 4. С. 165.

⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 2129. Оп. 3. Д. 91. Л. 180; Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С. 34—35.

⁹ Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С. 26.

¹⁰ Рапорт в Департамент Неокладных сборов от Подольской Каменской палаты // ЦГИА СПб. Ф. 2129. Оп. 3. Д. 91. Л. 73—73 об., Определение Кишиневского Окружного суда // Там же. Л. 180—180 об.

¹¹ О возведении витебского 1 гильдии купца Габриэля Гинцбурга и сына его Евзеля в потомственное почетное гражданство // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1343. Оп. 38. Д. 1066. Л. 3—5; Формулярный список потомственного почетного гражданина с.-петербургского временного купца 1-й гильдии Евзеля Гавриловича Гинцбурга. Составлен 30 июня 1872 г. // ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 441. Л. 2—3.

¹² РГИА. Ф. 1284. Оп. 205. Д. 182. Л. 1—5; Там же. Ф. 1343. Оп. 38. Д. 1066. Л. 51—54; Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел. Т. 1. Отд. IV. Дела о правах состояния. СПб., 1854. С. 138—139.

¹³ [Крылов А.Д.] К истории отмены винных откупов в России (Из записок тайн. сов. А.Д. Крылова). 1858—1862 гг. // Русская старина. 1889. Т. 27. Кн. 3. С. 574.

¹⁴ Там же. С. 575.

¹⁵ Скальковский К.А. Воспоминания молодости (По морю житейскому) 1843—1869. СПб., 1906. С. 109.

¹⁶ Цит. по: Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860—1914 гг. Л., 1991. С. 38.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 441. Л. 2—3.

¹⁸ Там же. Л. 3—5 об.

¹⁹ Там же. Л. 6 об. — 7.

²⁰ Цит. по: Ананьич Б.В. Указ. соч. С. 38; О награждении почетного гражданина Гинцбурга // РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 143. Л. 73—74.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 441. Л. 11—12.

²² Там же. Л. 2—23.

²³ Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 326.

²⁴ Михневич В.О. Наши знакомые: Фельетонный словарь современников. 1000 характеристик русских государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, художников, коммерсантов, промышленников и пр. СПб., 1884. С. 56—57.

²⁵ [Крылов А.Д.] К истории отмены винных откупов в России. С. 578.

²⁶ Сатирический листок по случаю рождения у Гинцбурга сына Шмульки // РГИА. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 326. Л. 1—2.

²⁷ Котик Е. Мои воспоминания. СПб., 2009. С. 123.

²⁸ Паперна А.И. Воспоминания // Пережитое. Сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. СПб., 1911. Т. 3. С. 353—354.

²⁹ Барац С.М. Задачи вексельной реформы в России (По поводу Проекта устава вексельного 1893 г.). СПб., 1896. С. 34—35.

³⁰ Паренсов П.Д. В Болгарии (Воспоминания офицера генерального штаба) // Русская старина. 1906. Т. 126. Кн. 4. С. 68; Кн. 5. С. 327.

³¹ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1179. Л. 97—111.

³² Н.Н. Из впечатлений минувшего века. Воспоминания среднего человека // Еврейская старина. 1914. Т. 7. С. 242.

- ³³ Оршанский И.Г. Евреи в России. Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1877. С. 9.
- ³⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 (далее — ПСЗ РИ 2). Т. XXIII. Отд. 1. Ст. 22567. С. 572—574.
- ³⁵ Г.В. Откупщики в России // Еврейская энциклопедия. СПб., 1912. Т. 12. С. 163.
- ³⁶ Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с позднейимперской Россией. М., 2007. С. 86.
- ³⁷ Сведения о питейных сборах в России. СПб., 1860. Ч. 3. С. 62.
- ³⁸ Слюзберг Г.Б. Указ. соч. С. 18—19.
- ³⁹ Бибииков П.А. От Петербурга до Екатеринославля // Время. 1863. № 2. С. 11.
- ⁴⁰ ПСЗ РИ 2. Т. XXXVI. Отд. 2. Ст. 37197. С. 39—70.
- ⁴¹ Главные основания агентства по питейному сбору и товариществу для содержания железных дорог // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. Приложение. 1862. 14 июля. № 28.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., 1868. С. 298—299; Горюшкина Н.Е. «Объявить откупщикам, что проект их отвергается»: о противодействии откупщиков винной реформе 1863 г. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. 2012. № 1. Ч. 1. С. 241—245.
- ⁴⁴ Выпись из первой части актовой книги петербургского нотариуса П.С. Корнеева // ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 13877. Л. 27, 29—30.
- ⁴⁵ Лернер О.М. Евреи в Новороссийском крае. Исторические очерки. По данным из архива бывшего Новороссийского генерал-губернатора. Одесса, 1901. С. 164—165, 169, 177.
- ⁴⁶ О запрете петербургскому купцу, еврею Гинцбургу приобретать имения в западных губерниях // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 386. Л. 1—9; О запрещении евреям приобретать земельные участки в западных губерниях // Там же. Д. 392.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 143. Л. 74; ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 441. Л. 3 об. — 4.
- ⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 441. Л. 16 об. — 17, 20 об. — 22.
- ⁴⁹ Список лиц возведенных по департаменту торговли и мануфактур в звание коммерции и мануфактур советников с 1854—1881 г. // РГИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 34. Л. 4; ЦГИА СПб. Ф. 419. Оп. 1. Д. 441. Л. 2 об. — 3; Список лиц, получивших звание коммерции советников с 1830 по 1917 гг. // РГИА. Ф. 23. Оп. 26. Д. 414; О награждении потомственных почетных граждан Гинцбурга, Паллизена, Ненюкова, Куконова, Полякова и Щербакова званием коммерции советника // Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 26. Л. 5—5 об.
- ⁵⁰ ПСЗ РИ 2. Т. XXXIV. Отд. 1. Ст. 34248. С. 206—207.
- ⁵¹ Н.Н. Указ. соч. С. 429—430.
- ⁵² Докладная записка поверенного от Гинцбурга о праве его на производство в Сибири золотого промысла // РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 86. Л. 39—43 об.
- ⁵³ Н.Н. Указ. соч. С. 431.
- ⁵⁴ Венгерова П.Ю. Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX веке. Иерусалим; М., 2003. С. 244.
- ⁵⁵ Цит. по: Натанс Б. Указ. соч. С. 153.
- ⁵⁶ Мандельштам О.Э. Шум времени. Хаос иудейский // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. М., 1991. С. 66.
- ⁵⁷ Paris aventureux. Avec une dédicace à Marguerite Rigolboche. Paris, 1860. P. 11.
- ⁵⁸ L'Univers israélite: journal des principes conservateurs du judaïsme. 1857. № 1. Septembre. P. 285—286.
- ⁵⁹ Le Monte illustre. 1858. 8 mai. T. 2. № 56. P. 290.
- ⁶⁰ Le Figaro. 1878. 15 janvier. № 15.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² L'Abeille impériale. 1862. 15 mars. № 5. P. 5.

- ⁶³ Выпись из первой части актовой книги петербургского нотариуса П.С. Корнеева // ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 13877. Л. 27 об. — 28.
- ⁶⁴ Письмо Е.Г. Гинцбурга — Э.Б. Левину // ЦГИА СПб. Ф. 2129. Оп. 3. Д. 91. Л. 135; Письмо Э.Б. Левина — Е.Г. Гинцбургу // Там же. Л. 144.
- ⁶⁵ Извещение о смерти барона Евзеля Гинцбурга // ЦГИА СПб. Ф. 2129. Оп. 3. Д. 91. Л. 186; РГИА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 17. Л. 1; Голос. 1878. 3 (15) января, 4 (16) января; Новое время. 1878. 3 (15) января, 4 (16) января; Le Figaro. 1878. 13 janvier. № 13.
- ⁶⁶ Голос. 1876. 1 (13) декабря. № 332.
- ⁶⁷ Le Figaro. 1878. 16 janvier. № 16.
- ⁶⁸ По проекту положения об учреждении барона Гинцбурга // РГИА. Ф. 1261. Оп. 3 (1880 г.). Д. 17. Л. 1—3.
- ⁶⁹ Министр внутренних дел — министру финансов // РГИА. Ф. 1405. Оп. 107. Д. 20418 Л. 1—1 об.; По проекту положения об учреждении барона Гинцбурга // РГИА. Ф. 1261. Оп. 3 (1880 г.). Д. 17. Л. 1—3.
- ⁷⁰ LeGaulois. 1886. 5 juillet. № 1407.
- ⁷¹ Выпись из первой части актовой книги петербургского нотариуса П.С. Корнеева // ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 13877. Л. 27—28 об.
- ⁷² Извещение об открытии банкирского дома «И.Е. Гинцбург» // ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 871. Л. 1—2; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1288. Оп. 1. Д. 2944. Л. 1.
- ⁷³ НатансБ. Указ. соч. С. 59.
- ⁷⁴ La Presse. 1861. 7 juin.
- ⁷⁵ Сборник статей по еврейской истории и литературе, издаваемый Обществом для распространения просвещения между евреями в России. СПб., 1866. Т. 1. С. 8, 17.
- ⁷⁶ Recueil des arrêts du Conseil d'Etat statuant au contentieux des décisions du tribunal des conflits et de la cour comptes. Paris, 1888. Т. 51. P. 156—157.
- ⁷⁷ Annuaire des banquiers et agents de change de France et des principales villes de l'étranger. Bordeaux, 1872. P. 138; Archives commerciales de la France. 1875. 23 septembre. P. 836. № 38; 1878. 7 juillet. № 57; Le Gaulois. 1881. 19 mai. № 614; 1891. 25 janvier. № 3071.
- ⁷⁸ Le Droit financier. Paris, 1888. P. 493—494.
- ⁷⁹ Н.Н.Указ. соч. С. 429.
- ⁸⁰ Пятковский А.П. Государство в государстве (К истории еврейского вопроса в России и в Западной Европе). СПб., 1901. С. 225.
- ⁸¹ Баран С.М. Указ. соч. С. 34—35.
- ⁸² Письмо И.С. Тургенева — барону Г.О. Гинцбургу от 16/8 февраля 1881 г. // РО РНБ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1805. Л. 1—1 об.; То же // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Т. 13. Кн. 1. Л., 1968. Письма 1880—1882 гг. С. 54.
- ⁸³ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. В 20 т. М., 1977. Т. 19. Кн. 2. С. 297; Т. 20. С. 157—158, 189, 218—219.
- ⁸⁴ Ананьич Б.В. Указ. соч. С. 43.
- ⁸⁵ Представление председателя С.-Петербургского биржевого комитета А.Я. Прозорова директору Департамента Торговли и мануфактур от 2 ноября 1898 г. // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 22 об.
- ⁸⁶ Доклад об основании и действиях фирмы, «Товарищество на вере Жадимировский, Баймаков и К^о» и об отношениях к ним ее пайщиков. Второе приложение к отчету // Отчет о действиях конкурсного управления, учрежденного по делам несостоятельного должника Ф.П. Баймакова, торговавшего под фирмой «Товарищество на вере Ф.П. Баймаков и К^о». СПб., 1878. С. 2—4; Лизунов П.В. «Крах конторы Баймакова...» // Экономическая история. Ежегодник. 2010. М., 2010. С. 111—142.
- ⁸⁷ Особый журнал Комитета министров 15 марта 1888 г. об учреждении администрации по делу банкирского дома Фелейзена // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4650. Л. 136; Лизунов П.В. Семья петербургских биржевых маклеров и банкиров Фелейзен // Экономическая история. 2013. № 3 (22). С. 8—16.

- ⁸⁸ Договор о содействии к учреждению Петербургского Кредитного банка // ЦГИА СПб. Ф. 2112. Оп. 1. Д. 22. Л. 1—3.
- ⁸⁹ Бовыкин В.И. Французские банки в России. Конец XIX — начало XX в. М., 1999. С. 37—38.
- ⁹⁰ Circulaire. Monteaux et Lunel. 1870. 4 avril. № 10; Annales industrielles. 1873. 2 mars. P. 66.
- ⁹¹ Устав акционерной компании Цепного пароходства по р. Шексне. СПб., 1904. С. 3—4.
- ⁹² Общее обозрение // Журнал для акционеров. 1859. 2 декабря. № 151. С. 1268.
- ⁹³ Главное общество российских железных дорог. Отчет Совета управления за 1860 год. СПб., 1861. С. 108, 158; Лизунов П.В. Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб., 2014. С. 310—370.
- ⁹⁴ Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях облигациях) России. Руководство для помещенных капиталов. СПб., 1871. С. 374—375.
- ⁹⁵ Докладная записка поверенного от Гинцбурга о праве его на производство в Сибири золотого промысла // РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 86. Л. 39 об.
- ⁹⁶ О праве еврейских купеческих детей на занятие золотопромышленностью // РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 86. Л. 80 об.
- ⁹⁷ [Бисарнов М.Д.] Список главнейших русских золотопромышленных компаний и фирм по официальным данным составил М. Бисарнов, горный инженер. СПб., 1896. С. 2, 5, 14, 24, 47, 73, 78, 144, 161; То же. СПб., 1897. С. 4, 6, 22, 42, 97, 156—157, 179, 307, 356.
- ⁹⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Л. 52.
- ⁹⁹ Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С. 33—34.
- ¹⁰⁰ Доверенности Э.Б. Левину на ведение дел баронов Е.Г. и Г.Е. Гинцбургов // ЦГИА СПб. Ф. 2129. Оп. 3. Д. 90. Л. 1—11.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 1.
- ¹⁰² Там же. Л. 7.
- ¹⁰³ Письмо Е.Г. Гинцбурга — Э.Б. Левину. Париж 30 октября (11 ноября) 1872 г. // Там же. Л. 63—63 об.
- ¹⁰⁴ Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С. 99.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 35—36.
- ¹⁰⁶ Слиозберг Г.Б., Гессен Ю.И. Гинцбург, Гораций Осипович (Евзелевич), барон // Еврейская энциклопедия. Т. 6. СПб., 1911. С. 526.
- ¹⁰⁷ Паренсов П.Д. Из прошлого. В Болгарии (Воспоминания офицера генерального штаба) // Русская старина. 1906. Т. 126. Кн. 4. С. 68; Кн. 5. С. 327.
- ¹⁰⁸ Там же. Т. 126. Кн. 4. С. 68.
- ¹⁰⁹ Алфавитный указатель к приказам по С.-Петербургской полиции. СПб., 1870. С. 218.
- ¹¹⁰ Всеподданнейшее прошение барона Гинцбурга // РГИА. Ф. 1412. Оп. 4. Д. 401. Л. 1; Там же. Ф. 1405. Оп. 68. Д. 7595. Л. 1—1 об.
- ¹¹¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 68. Д. 7595. Л. 23—25; Формулярный список о службе... барона Горация Гинцбурга // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 11 об. — 12; Списки титулованным родам и лицам Российской империи. СПб., 1892. С. 215—216; Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886. С. 223—224.
- ¹¹² Буренин В.П. Песни и шаржи. 2-е изд. СПб., 1892. С. 19.
- ¹¹³ Михневич В.О. Указ. соч. С. 56—57.
- ¹¹⁴ Мартыанов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века. СПб., 1890. С. 59.
- ¹¹⁵ Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 170.
- ¹¹⁶ Примеры возведения в дворянство по чинам и орденам // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 24—24 об.
- ¹¹⁷ Беккер С. Указ. соч. С. 170.

- ¹¹⁸ Описание заслуг... барона Горация Гинцбурга // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 3.
- ¹¹⁹ Формулярный список о службе... барона Горация Гинцбурга // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 7 об.
- ¹²⁰ Там же. Л. 12 об. — 13.
- ¹²¹ Там же. Л. 14 об. — 15.
- ¹²² Там же. Оп. 1. Д. 34. Л. 5 об.
- ¹²³ Там же. Оп. 2. Д. 1180. Л. 20, 23.
- ¹²⁴ Там же. Л. 4—4 об. Л. 6—17.
- ¹²⁵ Там же. Л. 10 об. — 11, 12 об. — 13.
- ¹²⁶ Слюозберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 2. Париж, 1933. С. 219.
- ¹²⁷ РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 20—23.
- ¹²⁸ Наградной список Г.Е. Гинцбурга // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 4—4 об.; Формулярный список о службе... барона Горация Гинцбурга // Там же. Л. 8—9 об.
- ¹²⁹ Формулярный список о службе... барона Горация Гинцбурга // РГИА. Ф. 1412. Ф. 4. Оп. 401. Л. 24 об.
- ¹³⁰ Ходатайства о награждении // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1180. Л. 2.
- ¹³¹ Там же. Л. 2—2 об., 20; Справка // Там же. С. 18—19; Ответ Департамента торговли и мануфактур В.И. Ковалевского председателю Петербургского комитета А.Я. Прозорову // Там же. С. 21—21 об.
- ¹³² Всеподданнейшее прошение барона Гинцбурга // РГИА. Ф. 1412. Оп. 4. Д. 401. Л. 1—3.
- ¹³³ Шталмейстер барон А.А. Будберг — министру императорского двора // РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 31. Л. 10; Там же. Ф. 1412. Оп. 4. Д. 401. Л. 35—38 об.
- ¹³⁴ Слюозберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 1. Париж, 1933. С. 265.
- ¹³⁵ Слюозберг Г.Б. Барон Г.О. Гинцбург, его жизнь и деятельность. С. 52.
- ¹³⁶ Слюозберг Г.Б. Дела минувших дней. Т. 2. С. 216.
- ¹³⁷ Слюозберг Г.Б. Барон Г.О. Гинцбург, его жизнь и деятельность. С. 54.
- ¹³⁸ Там же. С. 56.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Новая иллюстрация. 1894. Т. LI. № 1 (1301). С. 16.
- ¹⁴¹ Тургеневский сборник / Под ред. А.Ф. Кони. Пб., 1921. С. 145.
- ¹⁴² Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. От начала русской образованности до наших дней. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1891. С. 309, 323.
- ¹⁴³ Пятковский А.П. Указ. соч. С. 227.
- ¹⁴⁴ Клячко Л.М. За чертой // Еврейская летопись. Л.; М., 1926. Сб. 4. С. 130.
- ¹⁴⁵ Слюозберг Г.Б. Указ. соч. С. 75.
- ¹⁴⁶ Народная Воля. 1882. 5 февраля. № 8—9; Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века: Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912. С. 304; М.А. В.Н. Фигнер // Новый журнал. Нью-Йорк, 1942. С. 350—351.
- ¹⁴⁷ Давыдов А.В. Воспоминания 1881—1955. Париж, 1982. С. 228.
- ¹⁴⁸ Сенчакова Л.Т. «Священная дружина» и ее состав // Вестник МГУ. Серия 9. История. 1967. № 2. С. 75.
- ¹⁴⁹ Лемке М.К. Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с крамолой). 1881—1882 годы. По неизданным документам. СПб., 2012. С. 832.
- ¹⁵⁰ Слюозберг Г.Б. Указ. соч. С. 59.
- ¹⁵¹ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1895. № 51. С. 997.
- ¹⁵² О временных мерах к усилению надзора за биржами // РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 90. Л. 2.
- ¹⁵³ О воспрещении сделок на разность по покупке и продаже золотой валюты, тратт и т.п. ценностей, писанных на золотую валюту. Изложение дела // РГИА. Ф. 560. Оп. 35. Д. 1689. Л. 80; Там же. Ф. 1287. Оп. 9. Д. 3450. Л. 1; Вессель Н.Х. Наша новая государ-

- ственная финансовая деятельность (1892–1894 гг.). СПб., 1894. С. 246; Гурьев А.Н. К реформе Государственного банка. СПб., 1893. С. 116–117.
- ¹⁵⁴ Министерство финансов 1802–1902. Ч. 2. СПб., 1902. С. 105–107; Кашкаров М.П. Денежное обращение в России. Историко-статистическое исследование. Т. 1. СПб., 1898. С. 194.
- ¹⁵⁵ РГИА. Ф. 1152. Оп. XII. 1887 г. Д. 78. Ч. 2. Л. 8.
- ¹⁵⁶ Степанов В.Л. От крушения системы Канкрин к новой реформе // Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 108.
- ¹⁵⁷ Новости и отголоски // Биржевые ведомости. 1892. 4 (16) марта. № 63; Биржевая хроника // Новое время. 1892. 4 (16) марта
- ¹⁵⁸ Крах фирмы И.Е. Гинцбург // Петербургский листок. 1892. 5 (17) марта. № 63; Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С. 127.
- ¹⁵⁹ Биржевые вопросы дня // Биржевые ведомости. 1892. 8 (20) марта. № 67.
- ¹⁶⁰ Биржевая неделя // Биржевые ведомости. 1892. 8 (20) марта. № 67; Биржевые вопросы дня // Там же.
- ¹⁶¹ Биржевая неделя // Биржевые ведомости. 1892. 8 (20) марта. № 67.
- ¹⁶² Пятковский А.П. Указ. соч. С. 229–230.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 169–170.
- ¹⁶⁵ По поводу положения дел фирмы г. Гинцбург // Петербургский листок. 1892. 11 (23) марта. № 69.
- ¹⁶⁶ Богданович А.В. Указ. соч. С. 169–170.
- ¹⁶⁷ Биржевые ведомости. 1892. 6 (18) марта. № 65.
- ¹⁶⁸ Новости и биржевая газета. 1892. 10 марта. № 68.
- ¹⁶⁹ Ликвидация фирмы «И.Е. Гинцбург» // Биржевые ведомости. 1892. 11 (23) марта. № 70; Баланс торгового дома «И.Е. Гинцбург» // Новое время. 1892. 11 (23) марта; По поводу положения дел фирмы г. Гинцбург // Петербургский листок. 1892. 11 (23) марта № 69.
- ¹⁷⁰ Биржевые ведомости. 1892. 11 (23) марта. № 70.
- ¹⁷¹ Баланс торгового дома «И.Е. Гинцбург» // Новое время. 1892. 11 (23) марта.
- ¹⁷² Слиозберг Г.Б. Указ. соч. С. 125–126.
- ¹⁷³ Биржевые ведомости. 1892. 6 (18) марта. № 65.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Биржевые ведомости. 1892. 8 (20) марта. № 67.
- ¹⁷⁶ Петербургский листок. 1892. 11 (23) марта. № 69.
- ¹⁷⁷ Пятковский А.П. Указ. соч. С. 227.
- ¹⁷⁸ Н.Н. Указ. соч. С. 440–441.
- ¹⁷⁹ Счет г. администраторов с банкирским домом И.Е. Гинцбург на 1 октября 1874 года. СПб., 1875.
- ¹⁸⁰ [Половцов А.А.] Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 2. 1887–1892. М., 1966. С. 445.
- ¹⁸¹ Биржевые ведомости. 1892. 30 ноября (12 декабря). № 330.
- ¹⁸² Отчет администрации по делам торгового дома И.Е. Гинцбург. Т. 1–3. СПб., 1893–1894.
- ¹⁸³ Удостоверение // РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1179. Л. 67–68.
- ¹⁸⁴ Соглашение об условиях ликвидации // РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1179. Л. 55, 65–66 об.
- ¹⁸⁵ Биржевые ведомости. 1905. 02 (16) сентября.
- ¹⁸⁶ Бунт на ленских приисках // Вечернее время. 1912. 5 (18) апреля; Всеподданнейший отчет члена Государственного совета, сенатора, тайного советника Манухина по исполнению Высочайше возложенного на него 27 апреля 1912 года расследования о забастовке на Ленских приисках. СПб., 1912.
- ¹⁸⁷ Биржевые известия. 1909. 17 февраля. № 608; Биржевые ведомости. 1909. 18 февраля. № 41; Baron Horacede Gunzburg's Seventieth Birthday // The Jewish Chronicle. 1903. 13 February. S. 15; Марк Матвеевич Антокольский: Его жизнь, творения,

- письма и статьи / Под ред. В.В. Стасова. 1853—1883. СПб.-М., 1905. С. 880—881; Толстой И.И. Дневник. Т. 1. 1906—1909. СПб., 2010. С. 534.
- ¹⁸⁸ Баланс торгового дома «И.Е. Гинцбург» на 16 февраля 1909 г. // ЦГИА СПб.; Ф. 2049. Оп. 1. Д. 1605. Л. 1.
- ¹⁸⁹ Слюозберг Г.Б. Указ. соч. С. 68.
- ¹⁹⁰ Духовное завещание барона Г.Е. Гинцбурга от 8 апреля 1883 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 1605. Л. 1.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 1—1 об.
- ¹⁹² Там же. 2—2 об.
- ¹⁹³ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1179. Л. 88; Завещание барона Горация Евзелевича Гинцбурга // ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 1602. Л. 2; Там же. Д. 1613. Л. 8—8 об.; Там же. Д. 1616. Л. 174—175.
- ¹⁹⁴ Выписка из приказа // ЦГИА СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 6268. Л. 23.
- ¹⁹⁵ Свидетельство // Там же. Л. 19—20.
- ¹⁹⁶ Формулярный список о службе барона Габриэля-Якова Горацевича Гинцбурга. 1909 г. // ЦГИА СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 6268. Л. 1—4; Сведения о детях барона Гинцбурга // РГИА. Ф. 1412. Оп. 4. Д. 401. Л. 24—24 об.
- ¹⁹⁷ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008. С. 505.
- ¹⁹⁸ Булгаков Ф.И. Наши художники (Живописцы, скульпторы, мозаичисты, гравёры и медальеры) на академических выставках последнего 25-летия: биографии, портреты художников и снимки с их произведений. Т. 1. СПб., 1890. С. 110.
- ¹⁹⁹ Официальное извещение о разрешении продолжения дел торгового дома «И.Е. Гинцбург» А.Г. Гинцбургу // ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 1613. Л. 3; Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества... СПб., 1911. С. 132; Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества... СПб., 1916. С. 56.
- ²⁰⁰ РГИА. Ф. 1412. Оп. 4. Д. 401. Л. 24—24 об.; Формулярный список о службе барона Авраама-Альфреда Гинцбурга. 1904 г. // ЦГИА СПб. Ф. 394. Оп. 1. Д. 2437. Л. 3—8.
- ²⁰¹ Барышев Э.А. Япония и парижский финансовый рынок после русско-японской войны (сентябрь 1905 — март 1907 г.) // Япония: Ежегодник. 2012. Вып. 41. С. 367—388.